

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!

ДЖАСПЕР ФФОРДЕ

ПЕШЬ
КВАРКОЗВЕРЯ

КНИГА-ФАНТАЗИЯ

Книга-фантазия

Джаспер Ффорде
Песнь Кваркозверя

«ЭКСМО»

2011

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Ффорде Д.

Песнь Кваркозверя / Д. Ффорде — «Эксмо»,
2011 — (Книга-фантазия)

ISBN 978-5-699-79213-9

В течение многих лет магия пребывала в удручающем положении в Необъединенном Королевстве, но сейчас она наконец вновь на подъеме. Король Снодд IV прекрасно это понимает и вынашивает план по ее уничтожению. У шестнадцатилетней Дженнифер Стрэндж, менеджера Мистических Искусств Казама, и ее неуправляемой команды магов мало шансов против короля и его приспешников, но они не собираются сдаваться без боя! Захватывающая и очень остроумная сатирическая история о Кваркозвере, троллях и магическом треске! Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-79213-9

© Ффорде Д., 2011
© Эксмо, 2011

Содержание

В поисках утраченного	13
Башни Замбини	26
Волшебник Мубин	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Джаспер Ффорде

Песнь Кваркозверя

*Если существует один Кваркозверь, значит, где-то есть и другой, во всем равный и подобный первому, но противоположный ему.
Мисс Булиан Смит, отставная колдунья.*

Jasper Fforde
THE SONG OF THE QUARKBEAST
Copyright © Jasper Fforde, 2011

© Семенова М., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Итак, приступим!

Я работаю в магической индустрии. Вы, наверное, готовы мне позавидовать. Это же типа круто! Только подумать, целая жизнь, полная заклятий, зелий и таинственного шепота колдунов! Сплошная левитация, исчезновения, алхимия! Титанические и беспощадные сражения с силами тьмы! Вызывание снежных бурь и усмирение морских штормов! Метание молний с горных вершин! Оживление статуй, чтобы те помогли в бою с могущественными врагами!

Ага, щас.

Представьте себе, магия в наше время стала просто *полезной*. В том же смысле, в каком полезны автомобили, посудомоечные машины и открыватели для консервов. Давно прошли те дни, когда на радость публике вершилось что-то зрелищное и сумасбродное – маги повелевали океанами, поднимали в воздух слонов и превращали селедок в водителей такси... И потом, даже несмотря на Большой Магический Взрыв,¹ происшедший за два месяца до начала нашего повествования, эра неисчерпаемых колдовских возможностей наступить еще не успела. Первоначальный прилив магического поля породил невиданной формы облака, из которых шел дождь, отдававший бузиным ликером, сменился спадом волшебных энергий практически до нуля. И только потом начался подъем – очень медленный и постепенный. Так что океанами командовать никто пока был не в состоянии. Равно как и слонов поднимать. И преобразенные селедки еще долго не повезут опаздывающих пассажиров в аэропорт. Самым грозным врагом, которого мы могли победить, стал налоговый инспектор, а сражения против сил тьмы выродились в борьбу с отключениями электричества. Они в нашем королевстве часто случаются.

Так вот, мы в «Казаме» не сидели сложа руки, ожидая, пока восстановится волшебное поле. Наши колдуны никогда не гнушались за умеренную плату оказывать самые что ни на есть приземленно-бытовые, низкоуровневые магические услуги. Вы, конечно, поняли, что я имею в виду. Посредством заклинаний они заменяли в домах сантехнику и проводку, клеили новые обои, переоборудовали чердаки. Еще мы сотрудничали с городским отделом эвакуаторщиков, поднимая для них неправильно припаркованные машины, развозили на лету-

¹ Большой Магический Взрыв (Большая Магия) – что-то вроде перезарядки фонового магического поля в планетарном масштабе. О захватывающих обстоятельствах этого события, случившегося при непосредственном участии Дженнифер, рассказывается в книге «Последняя Охотница на драконов» (здесь и далее прим. авт.).

чих коврах горячую пищу и могли предсказывать погоду на двадцать три процента точнее Дейзи Фейрчайлд со «Снодд-ТВ»...

Я сама, правда, ничем подобным не занимаюсь. У меня никаких чародейских способностей нет. Я занимаюсь тем, что организую тех, у кого они есть. Я менеджер Мистических Искусств, или, говоря проще, агент. Тот, кто заключает сделки и принимает заказы. Тот, на кого, если что-то идет наперекосяк, сыплются все кирпичи, но зато при благополучном завершении дела достается очень мало похвал.

Место, где я занимаюсь столь неблагодарной работой, называется «Мистические Искусства Казама», или просто «Казам». Это крупнейший на свете Дом Волшебства. Правду сказать, на свете их всего-то два и существует: помимо нас, есть еще «Промышленная Магия», расположенная в Страуде. В этих двух Домах и подвизаются все восемь лицензированных колдунов, которыми располагает планета. И если вы успели решить, что должность у меня довольно ответственная для моих шестнадцати лет, то так оно на самом деле и есть. Я работаю исполнительным менеджером, замещая Великого Замбини, исчезнувшего неизвестно куда. Я должна справляться вместо него, пока он не вернется.

Если, конечно, это вообще когда-нибудь произойдет...

Я к тому, что жизнь у нас в «Казаме» достаточно хлопотная, и нынешнее утро не было исключением. Мы пытались найти кое-что утраченное... Нет, не потерянное из серии «Ой, куда же я это засунул?» (что относительно просто), а именно утраченное, притом безвозвратно (а это совсем другой коленкор). Поисковая работа нам вообще не особенно нравится, потому что потерянные вещи, как правило, совсем не рвутся быть найденными. Но на безрыбье и рак рыба – когда заказов негусто, мы и за такую работу беремся, естественно, не преступая рамок закона.

Вот потому-то в это серое осеннее утро мы с Тайгером и Перкинсом сидели в моем «Фольксвагене», припаркованном на загородной площадке для отдыха, милях в шести от нашего родного города Херефорда, столицы владений короля Снодда.

– Получается, если ты чародей, тебе не обязательно уметь пользоваться часами! – довольно-таки раздраженно произнесла я в пространство. Дело в том, что я пообещала клиенту начать поиск ровно в девять тридцать, и до срока оставалось всего десять минут. И вообще, я просила волшебников прибыть к девяти, думая произвести небольшой инструктаж, но, видимо, с таким же успехом можно было разговаривать с цветами.

– Если впереди вечность, – ответил Тайгер, имея в виду продолжительность жизни чародеев, которая заметно превышала среднестатистическую, – несколько минут туда-сюда никакого значения не имеют...

Хортон Тайгер Проунс, также иногда называемый «Тигровой Кроваткой», состоял у меня в помощниках. Поступил он к нам всего два месяца назад. Мальчишка был довольно высоким для двенадцати лет, русые волосы буйно кудрявились, а на курносом носу плясали веснушки. Как водится в таком возрасте у найденшей, он с определенной гордостью носил великоватую одежду с чужого плеча. Сегодня он сопровождал нас на выезде, чтобы ознакомиться с некоторыми специфическими трудностями поисковой работы. Тайгеру нужно было учиться, и быстро. Через два года ему предстояло сменить меня на «боевом посту». Я ведь уйду, когда мне исполнится восемнадцать.

Перкинс согласно кивнул.

– Да, – заметил он. – Некоторые волшебники в самом деле долго живут.

И это была сущая правда. Вот только по поводу того, как они достигают своего долгожительства, чародеи обычно молчали, как партизаны. Стоило спросить, и они тут же меняли тему разговора. Перескакивали кто на лук, кто на мышей.

Наш Молодой Перкинс был в «Казаме» лучшим, равно как и единственным, практикантом. Такое вот «два в одном». Работал он у нас чуть более года, и только его я могла,

хотя и с натяжкой, считать примерно ровесником. Парень был симпатичный, хотя и страдал приступами излишней самоуверенности, и это временами подводило Перкинса под монастырь, когда руки с магическими пассами у него поспевали вперед головы. Он обещал стать хорошим работником для «Казама» и вообще магом не из последних. В целом Перкинс мне нравился, но тут надо учесть, что областью его интересов была суггестия на расстоянии. Проще выражаясь, он умел с некоторой дистанции запускать людям в головы определенные мысли. Поэтому я не могла утверждать наверняка, действительно ли он мне нравился, или это являлось результатом внушения. Жутковатое ощущение, да и чародейская этика такого поведения не одобряет... Если уж на то пошло, суггестология однажды вообще чуть не подпала под радикальный запрет, когда выяснилось, что именно внушение стояло за ослепительным взлетом некоторых молодежных групп – и тем самым вскрылась тайна, которая многим казалась покрытой мраком.

Я вновь посмотрела на часы. Колдуны,² которых мы ждали, были Изумительный Деннис Полноцен Прайс и леди Моугон. Вы, может быть, удивитесь, но практикующие Мистические Искусства (так официально именуются мои подопечные) при всем своем чародейском могуществе иной раз едва умеют самостоятельно одеться. Порой им приходится напоминать, чтобы вовремя приняли ванну или сходили поесть. Ничего не поделаешь, таковы они, волшебники. Чудаковатые и обидчивые, забывчивые и взрывные... короче, я не преувеличиваю, с ума от них можно сойти. С другой стороны, с ними ни в коем разе не соскучишься, и это все искупает. Когда я только попала в «Казам», мне пришлось нелегко, но теперь я, честно, относилась к ним с нежностью. Даже к самым законченным психам.

– Мне бы надо поскорей назад в Башни, перечитать кое-что... – беспокойно заерзал Молодой Перкинс.

Сегодня вечером у него было собеседование по продлению лицензии мага, так что на месте Перкинсу не сиделось. Оно и понятно.

Я пояснила:

– Полноцен сказал, тебе будет полезно понаблюдать. Поиск пропавших вещей – это ведь сплошная работа в команде.

Тайгер спросил:

– А колдунам нравится командная работа?

Ему очень нравилось задавать вопросы. В списке его личных приоритетов это стояло на третьем месте, сразу после мороженого и вафель.

– Времена, когда колдуны поодиночке составляли тайные зелья в верхних помещениях Северной Башни, давно миновали, – ответила я. – Хочешь не хочешь работать приходится вместе. И это не я так сказала, это Великий Замбини все правила поменял. Он этому большое внимание уделял... – И я в очередной раз покосилась на часы. – Надеюсь, они все-таки появятся к сроку!

Как-никак, в отсутствие Великого Замбини исполнительным менеджером была именно я. Так что и приносить нижайшие извинения разгневанному клиенту предстояло именно мне. Что, сами понимаете, райского наслаждения не доставляло.

– В любом случае, – сказал Перкинс, – я сдал на четвертую степень по поиску. Во время практики я всегда находил тапку, даже если ее прятали под кроватью Таинственных Икс!

Он говорил правду. Если учиться обнаруживать вещи, поиск случайного предмета вроде тапки позволяет неплохо набить руку, но истинное мастерство беспрельдно. Таковы они, Мистические Искусства. Им можно учиться всю жизнь, но горизонты непознанного

² Колдуны – на всемирной выставке «Маг-Экспо» 1962 г. после долгих споров было принято положение о равенстве полов, и термин «колдунья» был официально выведен из употребления. Однако в быту он продолжает существовать и особенно любим всякими старыми ворчунами, которые полагают, что женщина-маг должна сидеть дома, творя еду и силой мысли наводя чистоту.

будут лишь расширяться. Кто-то скажет – останешься у разбитого корыта, ну а по мне – очень вдохновляющая перспектива!

– Тапка вряд ли возражала против того, чтобы ее нашли, – сказала я, тщетно слясь объяснить необъяснимое. – Вот когда что-то активно не хочет быть найденным, тут приходится попотеть. К примеру, Могучий Шандар умел прятать вещи, лежавшие на самом виду, просто исключая их из поля зрения. Эту технику он блистательно продемонстрировал на «Маг-Экспо» тысяча восемьсот двадцать шестого года. Привел в комнату слона, которого никто не заметил.

– Так вот как появилось выражение «слона-то я и не приметил»?

– Да. Его звали Дэниел.

– Тебе бы вместо меня идти экзамен сдавать, – мрачно заметил Перкинс. – Столько знаешь! А я иных параграфов «Кодекса Магикалис»³ вообще не читал...

Пришлось пояснить:

– Так ведь я в теме на три года дольше тебя. Странно было бы ничего не знать! Только все равно мне вместо тебя на экзамен идти – что безрукому за пианино садиться!

Никто на самом деле не знает, почему у одних людей получается колдовать, а у других – нет, хоть они тресни. В теории, объясняющей магию, я не сильна, знаю только, что это некий сплав науки и веры, который на практике выглядит примерно так: магия клубится повсюду, словно незримый туман, несущий энергию. Одаренные люди способны подключаться к этой энергии, используя для этого различные техники. Тут и многоуровневые заклинания, и вызывание духов, и слепящие выплески концентрированной мысли по каналу, берущему начало в указательном пальце. Научное название магической энергии – «переменная электро-гравитационная мутирующая субатомная сила». Бессмыслица, верно? Вот и я тоже так думаю. Похоже, растерявшиеся ученые просто слепили вместе несколько звучных и наукообразных слов, чтобы лицо не терять. Обычные люди выражаются проще – «магическая энергия», она же «волшебная» или «колдовская», лишь бы было понятно. А то вовсе говорят «треск», и это тоже все понимают.

– Кстати, – с несколько нарочитой беззаботностью проговорил Перкинс. – У меня тут нечаянным образом есть два билетика на выступление Джимми «Сорвиголовы» Долбогроба. Его должны выстрелить из пушки, и он пробьет головой кирпичную стену!

Джимми Долбогроб (очень подходящая фамилия...) был самым знаменитым странствующим экстремалом Несоединенных Королевств. Билеты на его безумные трюки расходились как горячие пирожки. В прошлом году, например, Сорвиголова съел автомобильную шину. Под музыкальное сопровождение живого оркестра. Шоу имело грандиозный успех, вот только ниппелем Джимми чуть не подавился.

– Ну и кого с собой поведешь? – спросила я, косясь на Тайгера.

Проблема «Наберется ли Перкинс мужества меня куда-нибудь пригласить?» уже некоторое время приобретала ощутимую остроту.

Перкинс откашлялся, собираясь с духом.

– Тебя, – сказал он. – Если захочешь пойти.

Несколько мгновений я смотрела на дорогу, потом спросила:

– Кого, меня?

– Конечно, тебя, – сказал Перкинс.

– А я уже решила, ты Тайгера спрашиваешь.

– С какой стати мне приглашать Тайгера на шоу, где псих влезет в пушку и попытается снести кирпичную стену?

³ «Кодекс Магикалис» – так называемая «Книга Волшебства», которая, помимо множества очень ценных сведений, содержит уймищу чепухи. Фишка в том, чтобы отличать первое от второго.

– Кстати, а мог бы и пригласить, – хмыкнул Тайгер, изобразив вселенскую обиду. – А вдруг мне очень даже нравится смотреть, как мужик с поехавшей крышей в стенку влипает?

– Вполне допускаю, – согласился Перкинс. – Но доколе будут кандидатуры посимпатичней, ты в моем списке останешься девятым-десятым.

После этих слов мы все замолчали.

– Посимпатичней? – спросила я затем, разворачиваясь к нему на водительском месте. – Значит, ты меня приглашаешь только потому, что находишь меня симпатичной?

– А что не так?

– По-моему, Перкинс, ты пролетел, – хмыкнул Тайгер. – Ну нет бы сказать, что решил ее пригласить, потому что она умная, хорошо говорит, взрослая не по годам, и вообще каждый миг в ее обществе заставляет тебя подумать о самоусовершенствовании... Смазливая мордочка должна числиться самым последним пунктом!

– Блин, – повесил нос Перкинс. – Наверно, и в самом деле должна была...

– Ну вот, наконец-то, – пробормотала я, заслышав знакомое «дыр-дыр-дыр» мотоцикла леди Моугон.

Мы полезли вон из «Фольксвагена», а Моугониха подъехала и затормозила. Я как-то сразу встретила с ней глазами и тут же пожалела об этом. «Размажу-ка я Дженнифер по стенке!» – было написано у нее на лице.

На самом деле ничего нового в том, чтобы быть размазанной ею по стенке, для меня не было. Как правило, она проделывала это каждый день за завтраком, обедом и ужином. И еще в промежутках между этими моментами общего сбора, когда стих находил. Она у нас в «Казаке» была самой могущественной колдуньей. И самой вредной. Настолько вредной, что даже самые записные заразы из числа наших клиентов на время откладывали свою вредность и писали ей очень душевные, хотя и чуточку язвительные письма – «от лица Ваших поклонников».

– Леди Моугон, – сказала я жизнерадостным тоном, отвечивая предписываемый этикетом низкий поклон, – надеюсь, нынешний день принес вам только хорошее?

– Дурацкое выражение, более-менее терпимое лишь оттого, что и другие не лучше, – ворчливо отозвалась Моугониха и слезла с мотоцикла (на котором, кстати сказать, она ездила «амазонкой», то есть боком). – А что там эта мелочь пузатая прячется за твоей пародией на машину?

– Доброе утро, – сказал Тайгер таким тоном, каким обычно говорят «Ой, а вовсе я и не прятался, я просто вас не сразу заметил». – Вы сегодня просто замечательно выглядите...

Это была бессовестная ложь. Видок у леди Моугон был еще тот. Тусклые волосы, впалые щеки и вечно кислое, страдальческое выражение лица. Никто ни разу не видел, чтобы она улыбалась, а дружелюбное слово выдавала раз в сто лет по великому заказу. Одевалась она соответственно – в длиннущее черное платье с кринолинами в форме колокола. Сверху оно было всегда застегнуто под самое горло, нижняя часть мела по земле. Когда Моугониха шла, шагов различить было невозможно, она скорее скользила. Или катилась на роликах. Это смутно беспокоило нас, и Тайгер однажды даже хотел поспорить со мной на полмула, что старая колдунья действительно носит на ногах роллеры. Спор, правда, не задался. Ни он, ни я так и не сумели придумать способа тихо, безопасно и почтительно вывести правду.

С Перкинсом Моугониха поздоровалась чуть вежливей, ведь он как-никак доводился ей собратом по ремеслу. Она даже поговорила с ним о предстоявшем экзамене и о том, как важна для него была бы успешная сдача. Мы с Тайгером никакого «здравствуй» так и не удостоились. Мы были всего лишь найденышами, лишенными какого-либо общественного положения, что с нами считаться!.. Между тем считаться все-таки приходилось, ведь без нас с Тайгером дела в «Казаке» пошли бы наперекосяк, и Моугониху это доставало не на шутку. Что подделаешь, так распорядился Великий Замбини. Он находил, что найденыши лучше

справлялись с управлением суматошным и странноватым мирком Мистических Искусств. Обычных гражданских он называл «изнеженными штафирками» и полагал, что у них либо крыша поедет от слишком необычного окружения, либо они решат, что знают лучше, и примутся все «улучшать», либо преисполнятся жадности и решат погреть руки.

Возможно, он был прав.

– Так, раз уж ты здесь, – нарушила ход моих мыслей леди Моугон, – попозже утром мне нужно будет испытать одно заклинание...

– На сколько шандаров, мэм?

Для тех, кто не в теме: «шандар» – единица магической энергии, названная так в честь Могучего Шандара, волшебника столь могущественного, что, когда он шел, его следы на земле вспыхивали сами собой. Практическая польза самовозгорающихся следов, конечно, сомнительна, вероятно, это делалось скорее из любви к театральным эффектам. Могучий Шандар был не только самым крутым магом на свете, он еще и шоумен был весьма неплохой.

– Где-то на десять мегашандаров,⁴ – мрачно объявила леди Моугон. Необходимость согласовывать со мной силу будущего заклинания казалась ей в высшей степени унижительной.

– Треску будет прилично, – сказала я, гадая про себя, что она задумала. Оставалось только надеяться, что ей не взбрело в голову вернуть к искусственной жизни своего любимого кота, покойного Мурлыку. Подобное деяние было не только жутковатым, но и весьма не приветствуемым. – А можно спросить, что именно вы планируете?

– Я намерена хакерским образом попытаться получить доступ к Виткам Хранилища Диббла. Это может помочь нам с мостом.

Я облегченно выдохнула. Все оказалось не так плохо, и леди Моугон была права. На пятницу у нас был подряд по перестройке средневекового моста в Херефорде, то есть любая помощь была кстати. Потому-то и Перкинс проходил свой экзамен сегодня, а не на следующей неделе. К моменту работы он будет еще новичком, но шесть заклинателей всяко предпочтительней пяти. Магия всегда работала лучше, если число участвующих делилось на три.⁵

– Дайте-ка погляжу, – сказала я, заглядывая в записную книжку на предмет возможных накладок. Если в одно и то же время два чародея произносят мощные заклинания, магическое напряжение может существенно подсесть, а ведь нет ничего хуже, чем лишиться энергетической подпитки посреди заклинания. Представьте, что вы читаете книжку и только-только добрались до самого интересного места – и тут вдруг вырубается свет!

– В одиннадцать, – сказала я, – братья Прайсы передвигают Снэму,⁶ так что после четверти двенадцатого все время ваше. Разве что с «Промышленной Магией» бы еще свериться для перестраховки...

– Значит, в одиннадцать пятнадцать, – с каменной непреклонностью ответила леди Моугон. – Если хочешь, можешь присутствовать.

– Обязательно приду, – сказала я и осторожно добавила: – Леди Моугон, пожалуйста, не считите за бесчувственность, но... Если под покровом вашего хакерского заклинания вы попытаетесь воскресить мистера Мурлыку, другие колдуны этого очень, очень не одобряют...

Ее глаза сузились, а взгляд пронизал мою голову насквозь, дюжиной горячих иголок воткнувшись в тыльную сторону черепа.

⁴ Мегашандаром принято называть магическую силу в 1000 шандаров.

⁵ Никто не знает, почему. Тем не менее «правило трех» приходится постоянно учитывать. Его часто называют «Третьим афоризмом Мандрейк», по имени волшебницы, первой оставившей о нем записи.

⁶ Снэму – ученый морж из «Морского мира Снодда». Помимо прочего, он исполняет «Маленькую ночную серенаду» на ксилофоне. Он предпочитает перемещаться исключительно с магической помощью Прайсов, а желания своенравного морского млекопитающего весом под полторы тонны, сами понимаете, лучше уважать...

– Ни один из вас, – прошипела она, – даже отдаленного понятия не имеет, что для меня значил мистер Мурлыка... Так чего ради мы все здесь торчим?

– Мы ждем Изумительного Денниса Прайса.

– Ненавижу вот так попусту тратить время, – сказала она, и кому какое дело, что она и сама опоздала на добрых полчаса. – Деньги у кого-нибудь есть? Я с голоду умираю!

Перкинс протянул ей монетку в один мула.

– Вы очень добры. Прогуляемся, Перкинс.

И она беззвучно заскользила к маленькой закусочной на другом конце стоянки.

– Хотите чего-нибудь? – делая шаг следом, спросил Перкинс.

– Еда вне дома заставляет найденышей заноситься и забывать о своем положении, – долетел решительный голос Моугониhi. После чего, практически без перерыва, она взялась за владельца закусочной: – Сколько-сколько за рулетик с беконом?.. Возмутительно!

– Очаровательна, как прорвавшийся волдырь, – вздохнул Тайгер и прислонился к машине. – Кстати, с каких это пор такой перекус считается типа походом в ресторан? По такой логике, если ты радио слушаешь вне дома, это надо приравнять к походу в театр...

– Она потрясающая колдунья, могущественная и самоотверженная, так что хорош ныть, – сказала я. И добавила: – По крайней мере, пока она может тебя слышать.

– Кстати, о театрах и всяких прочих зрелищах, – понизил голос Тайгер. – Так ты на Долбогроба-то с Перкинсом – как, пойдешь?

– Скорее всего нет, – ответила я со вздохом. – Служебные романы никогда не были хорошей идеей. Если нам с ним вправду что-нибудь суждено, пусть уж оно еще два годика подождет. Вот уйду – и тогда уже оторвусь.

– Ну и хорошо, – сказал Тайгер.

– Чего хорошего-то?

– А то, что он, наверное, захочет пристроить твой билет. А я бы не отказался взглянуть, как кто-то, кому недодали ума, зато переложили храбрости, вылетит из пушки и хлопнется в кирпичную стенку.

– Это будет чем-то сопровождаться?

– А то! Духовой оркестр, группа поддержки и еще один тип, который будет жонглировать живыми рысями...

Тут мы обернулись навстречу подъехавшему такси. Это наконец-то явился Изумительный Деннис Полноцен Прайс. Я расплатилась с водителем, и Полноцен, выбравшись наружу, стал оглядываться кругом.

– Простите за опоздание, – сказал он, тотчас обнаружив всю разницу между собой и Моугонихой. – Меня задержал разговор с волшебником Мубином. Он хочет, чтобы ты присутствовала при эксперименте, который он подготовил.

Я озабоченно поинтересовалась:

– Эксперимент-то опасный?

Потому что волшебник Мубин разнес больше лабораторий, чем я съела остывших и несъедобных обедов.

– А разве он ставит другие? – хмыкнул Полноцен. – Где наша Моугон?

Я кивнула в сторону придорожной закусочной.

– Спорю на что угодно, еще и не на свои шикует, – сказал Полноцен. Подмигнул нам и пошел здороваться с Моугонихой.

Полноцен Прайс был еще одним из наших лицензированных работников. Они с братом Дэвидом, также известным как Скидка Прайс, были известны как самые непохожие идентичные близнецы в истории. Дэвид был тощим и долговязым, а Деннис – коренастым и плотным, что-то вроде большой розовой тыквы с ручками и ножками. Они вели свое происхождение из среднего Уэльса, из беспорядочной мешанины захудалых владений, управлявшихся

военными предводителями и в целом называвшихся «Кембрийской империей». В подробности никто не вникал, но братья Прайсы вроде бы отказались служить кембрийскому владельцу Тарву Безумному, после чего, спасаясь, бежали в Херефордское королевство. Вскоре после этого они познакомились с Великим Замбини – и вот уже более двадцати лет исправно служили в «Казаке».

Мы с Тайгером стояли возле «Фольксвагена», принюхиваясь к аромату жарящегося бекона, который доносил ветерок, когда к нам почти бесшумно подкатил и остановился «Роллс-Ройс»...

В поисках утраченного

И это был не так себе «Роллс-Ройс», а целый «Фантом Двенадцатый», один из этих жутко навороченных шестиколесников для самых богатых. Величиной он напоминал яхту, только был вдвое роскошней самой роскошной, и притом до того безупречно покрашен, что казался не машиной, а сгустком лоснящейся тьмы, висевшей непосредственно в воздухе. Шофер открыл заднюю дверцу, и наружу выбралась шикарно одетая девушка.

Пожалуй, она была не намного старше меня, но нас поистине разделяли миры. Я воспитывалась как бесправный найденный. Вокруг нее все дышало привилегиями, денежным благополучием и сознанием избранности. Вероятно, мне следовало с первой секунды возненавидеть ее, но я не ощутила ненависти.

Я ей позавидовала.

– Мисс Стрэндж? – сказала она и уверенно шагнула вперед, протягивая руку. – Мисс Шард рада познакомиться с вами.

– Это она о ком? – озираясь, вполголоса спросил Тайгер.

– О себе самой, должно быть, – сказала я, приветствуя девушку широкой улыбкой. – Доброго утра, мисс Шард, спасибо, что приехали. Я – Дженнифер Стрэндж.

Вот таким впечатляющим образом подкатила наша клиентка. На вид она была слишком молода, чтобы успеть потерять нечто действительно важное, – настолько важное, чтобы вызвать нас... А впрочем, всякое бывает.

– Вам следует называть кое-кого Анн, – сказала она доброжелательно. – Ваши магического образа подвиги вселили кое в кого чувство захватывающей волнительности!

Она говорила на Лонгспике, или Высоком диалекте, принятом у представителей правящих классов, а вот Шортспиком – Простым диалектом, повседневной речью жителей Несоединенных Королевств, владела явно неважно.

– Простите, что?..

Она выразилась иначе:

– Это был своеобразный пример вдохновенной отваги...

Я по-прежнему слегка сомневалась в истинном значении ее слов и переспросила:

– То есть вам понравилось?

– В высшей степени, – сказала она. – Мы с неизменным интересом следили за вашими приключениями.

– Мы?

– Я и мой клиент. Джентльмен, отмеченный немалыми знаниями, положением и достоинством.

Она явно имела в виду кого-то из аристократии. Повинуясь старинной традиции, высококородные граждане Несоединенных Королевств нанимали других для самомалейшего дела; лишь беднейшие обслуживали себя сами. Поговаривали, что когда королю Воззлу, правившему Сноудонией, наскучило есть, он нанял вместо себя едока. Это с неизбежностью привело к смерти от истощения, и на трон взошел его брат.

– Не догоняю я что-то, что она там говорит... – шепнул Тайгер.

– Тайгер, – сказала я, торопясь убрать его прочь, пока девушка не обиделась, – привел бы ты сюда Денниса и леди Моугон, а?

Мисс Шард спросила, вежливо улыбаясь:

– Осмелюсь предположить, они были хладнокровно-неискренней внешности?

– Они? Какой?..

– Драконы,⁷ – пояснила она. – Они были... неприятными?

– Вообще-то... вообще-то нет, – ответила я осторожно. Меня постоянно расспрашивали о драконах, ну а я предпочитала особо не распространяться. Драконы всему предпочитали разумную осторожность. Потому я не стала продолжать, и мисс Шард верно истолковала мое молчание.

– Уважаю вашу осмотрительность в плане этой темы, – с легким поклоном отозвалась она.

– О'кей, – сказала я, не будучи до конца уверена, что правильно ее поняла. – А вот и наша команда.

Тайгер вправду шел к нам вместе с Полноценом и леди Моугон. Замыкал шествие несколько задумчивый Перкинс. Я всех представила, и мисс Шард высказалась в том духе, насколько, мол, духоподъемная та встреча в столь судьбоносный момент. Потом состоялось всеобщее пожимание рук, но держались стороны слегка настороженно. С клиентами лучше держать дистанцию, это, знаете ли, окупается. Особенно с такими клиентами, кто употребляет слишком много длинных и вычурных слов...

– Так что бы вы хотели, чтобы мы для вас разыскали? – по обыкновению переходя прямо к делу, спросила леди Моугон.

– Кольцо, некогда принадлежавшее почтенной родительнице моего клиента, – ответила мисс Шард. – Он был бы рад самолично прибыть сюда, дабы осуществить свой заказ, но, увы, в данный момент он никоим образом не доступен из-за длительной академки...

– А он к доктору не обращался? – встрял Тайгер.

– По поводу чего?

– По поводу этой... затянувшейся академки. Это же, наверное, лечится?

Мгновение мисс Шард молча смотрела на него, потом пояснила:

– Академка – это не болезнь, это академический отпуск. Творческий.

– А-а...

– Приношу извинения за невежество, присущее некоторым сотрудникам, – испепелив Тайгера взглядом, сказала леди Моугон. – Увы, для должного функционирования «Казама» мы вынуждены пользоваться услугами найденышей. В наше время, знаете ли, так сложно подбирать персонал. Всем почему-то требуются излишества вроде еды, обуви, зарплаты... да еще и человеческого достоинства!

– Вам не о чем волноваться, – вежливо ответила мисс Шард. – Найденышам подчас свойственна обновляющая, живительная прямота.

Меня как-то не очень радовало обсуждение найденышей, и я решила сменить тему:

– Так что там насчет кольца? Особые приметы какие-нибудь?

– Никаких особых примет оно не имеет, – ответила мисс Шард. – Золотое, ничем не украшенное, большого размера – вроде тех, что носят на большом пальце. Мой клиент очень хотел бы вернуть его своей матушке в качестве подарка на семидесятилетие.

– Не вижу особых проблем, – подал голос Полноцен. – У вас не найдется чего-либо, что было в непосредственном контакте с кольцом?

– Самой мамы вашего клиента, например, – нахально высказался Тайгер.

– У меня есть вот это, – сказала мисс Шард и вытащила из кармана еще одно колечко. – Она носила его на среднем пальце, так что кольца наверняка сталкивались. Вот, посмотрите, даже отметины есть.

Леди Моугон взяла кольцо, какое-то время пристально смотрела на него, потом зажала в кулаке, что-то пробормотала и распрямила ладонь. Кольцо поднялось в воздух и зависло

⁷ Мисс Шард имеет в виду личные контакты Дженнифер с двумя последними драконами нашей планеты. Эти двое благоволили ей настолько, что отвечали на ее звонки, чего драконы обычно не делают.

над рукой на высоте около дюйма, медленно поворачиваясь. Леди Моугон передала его Полноцену. Тот повернул кольцо к свету, потом сунул в рот, поболтал там, звякая о пломбы, и наконец проглотил.

– Так надо, – сказал он тоном совершившего оплошность.

– В самом деле? – несколько подозрительно осведомилась мисс Шард. Без сомнения, она уже прикидывала, каким образом получит кольцо назад. И в каком состоянии.

– Вам не о чем волноваться, – жизнерадостно заверил ее Полноцен. – Современные моющие средства поистине творят чудеса...

Леди Моугон очень вовремя перевела разговор.

– Почему, – спросила она, – вы решили встретиться с нами именно здесь?

Это был хороший вопрос. Мы ведь находились на ничем не примечательной площадке для отдыха на трассе Росс – Херефорд, возле деревеньки под названием Хэрвуд-Энд.

– Потому что именно здесь она его потеряла, – ответила мисс Шард. – Когда она вышла из автомобиля, кольцо было на ней. А когда уезжала, кольца больше не было.

Леди Моугон посмотрела на меня, на нашу заказчицу, потом на Денниса. Понюхала воздух, что-то пробормотала и сосредоточилась.

– Оно по-прежнему где-то здесь, – сказала она затем. – Беда в том, что кольцо не желает быть найденным. Мистер Прайс, вы согласны?

– Согласен, – проверяя пальцами текстуру воздуха, сказал Полноцен.

– Откуда вы знаете? – спросила мисс Шард.

– Оно было утеряно тридцать два года, десять месяцев и девять дней назад, – вдумчиво пробормотала леди Моугон. – Я угадала?

Мисс Шард молча смотрела на нее несколько мгновений... Было похоже, что Моугониха не ошиблась, и это весьма впечатлило заказчицу. Я-то понимала, что наша колдунья сумела уцепиться за обрывки воспоминаний, которые человеческие эмоции способны запечатлеть даже на самых косных предметах.

– То, что желает потеряться, обычно теряется не без веской причины, – добавил Полноцен. – Может, вашему клиенту лучше подарить своей матушке коробку шоколадных конфет?

– Или букет цветов, – сказала леди Моугон. – Мы ничем не можем вам помочь. Всего доброго.

И она поплыла прочь.

– Мы заплатим вам тысячу мула.⁸

Леди Моугон остановилась. Названная сумма была достаточно серьезной.

– Тысячу? – переспросила колдунья.

– Мой клиент не намерен мелочиться, ведь речь идет о его матери.

Леди Моугон посмотрела на Полноцена, потом на меня.

– Пять тысяч, – сказала она.

– Пять тысяч? – переспросила заказчица. – За розыск кольца?

– Кольца, которое не желает быть найденным, – ответила леди Моугон. – Это значит, что искать его может быть чревато. Цена всего лишь соответствует риску.

Мисс Шард по очереди обвела всех нас глазами.

– Принимается, – сказала она наконец. – Я останусь здесь и буду ждать результата. Но помните, без находки не будет и оплаты. В том числе и за выезд.

– Мы обычно взимаем за попытку... – начала было я, но Моугониха меня перебила.

– Согласны, – ответила она. И скроила гримасу, которая, как я подозреваю, была у нее вместо улыбки.

⁸ Мула – денежная единица страны короля Снодда. Один мула равен сотне херефордских шайб и примерно соответствует одному спондулипу (согласно обменному курсу 2007 г.).

Мисс Шард вновь пожала нам руки и забралась обратно в свой «Роллс-Ройс». Лимузин неслышно снялся с места и запарковался напротив закусочной. Классовые различия оказались не соперниками аромату жареного бекона.

– Со всем почтением, – начала я, повернувшись к леди Моугон, – если станет известно, что мы дерем с клиентов семь шкур, репутация «Казама» упадет ниже плинтуса. И еще я думаю, что это не очень профессионально!

– Неужели штафирки способны еще сильнее нас возненавидеть? – презрительно хмыкнула Моугониха, и я была вынуждена про себя согласиться, что в ее словах содержалась толика правды. Сколько лет мы из кожи вон лезли ради всеобщего блага, а магия в глазах общественности так и оставалась чем-то нехорошим и подозрительным. А Моугониха продолжала: – И, что важнее, я знакома с нашим финансовым положением. Сколько, по-твоему, мы продержимся, если так и будем даром работать? Ты хоть обратила внимание, на чем она ездит? На «Фантоме»-восьмерке! Она же по уши в деньгах!

– Вообще-то это двенадцатый, – пробормотал Тайгер. Мальчишка есть мальчишка, в автомобилях он разбирался.

– Может, начнем все-таки? – сказал Полноцен. – Мне через час моржа двигать. Если опоздаю, Дэвиду придется начинать одному.

– Раньше начнем, раньше кончим, – сказала леди Моугон. И величественным жестом велела нам с Тайгером удалиться, чтобы они с Полноценом могли посоветоваться без помех.

Я прислонилась к «Жуку» и несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, наблюдая за их беседой.

– Я как-то раз багаж потерял, – задумчиво проговорил Тайгер. Ему явно хотелось внести свою лепту в обсуждение потерянного и найденного. – Это когда нас от детского дома возили на металлургический завод в Порт-Тальбот...

– Какой он? – спросила я, радуясь поводу отвлечься. Тем более что сама я в средоточии тяжелой индустрии Несоединенных Королевств никогда не бывала.

– Красный такой чемодан на колесиках, – сказал Тайгер. – С внутренним кармашком для мелочовки.

– Я имела в виду Порт-Тальбот.

– А-а... Там было жарко. И очень шумно.

– Небось паровые молоты громыхали?

– Громыхали, ага. Но меня больше песни достали.

Перкинс ходил кругами возле Моугонихи и Полноцена, пытаясь хоть что-то подслушать.

– Как по-твоему, получит Перкинс лицензию?

– Лучше бы получил, – сказала я. – Он бы очень пригодился, когда дойдет до моста. Все мы будем глупо выглядеть, если они сядут в галошу.

– Ага, да еще и в прямом эфире...

– Не напоминай лучше.

У нас были весомые причины волноваться за Перкинса. Еще бы, ведь чиновник, который должен был в итоге выдать ему лицензию, своей тупоголовостью и продажностью превосходил даже нашего прославляемого правителя, короля Снодда. Это был не кто иной, как его Бездельный Брат, по совместительству Министр inferнальных дел. Вот таким нехорошим термином они обозначили чиновничество, ведавшее магией и всем, что имело к ней отношение.

– Проглотил? – достигло наших ушей гневное восклицание леди Моугон. – Во имя Снорффа, и на что тебе это понадобилось?

Она явно имела в виду кольцо, и Полноцену столь же явно крыть было нечем. Он лишь неловко пожал плечами. Я двинулась к ним, готовая вмешаться, если потребуется.

Моугониха протянула руку:

– Давай его сюда, Деннис.

Вид у Полноцена был недовольный, но спорить было себе дороже. Он закрыл глаза и глубокодохнул. Погримасничал, попытался... и наконец закатал рукав. Мы увидели, как пальцо перемещалось у него под кожей, сползая в сторону кисти. Полноцен кричал и потел от усилия. Я уже видела несколько раз, как это делается. Однажды таким образом при мне извлекали пулю, в результате шального выстрела засевшую в опасной близости от позвоночника пострадавшего.

– А-а, – застонал Полноцен, проталкивая кольцо на тыльную сторону кисти. – Ой, ой, о-о-о-ой...

Кольцо пропутешествовало под плотной кожей его пальца, покрутилось немного у самого кончика, и наконец, поистине «сложив в кучку все маты», Полноцен выгнал его наружу из-под ногтя.

– Жесть! – сказал Тайгер.

– Согласен, – кивнул Перкинс. – Но и не смотреть невозможно, правильно?

– Держите, – сказал Полноцен и, вытерев кольцо, подал его Моугонихе. – Теперь вы довольны?

Но леди Моугон уже переключилась на другое. Взяв кольцо, она пошептала над ним и вернула его Деннису, который крепко зажал его в кулаке.

– Не нравится мне все это, – сказал он. – Что-то нечисто. Что-то случилось...

– Согласна, – ответила колдунья и вытащила хрустальный пузырек с серебряной пробочкой. Мы с Тайгером отошли, чтобы не мешать им работать, и с нами Перкинс, понимавший в происходившем не более нас.

Я сказала:

– Сейчас они попробуют пробудить память.

– Разве у золота есть память?

– Память есть у всего, – сказала я. – У золота она довольно скучная. Его вытащили из земли, отвезли на обогатительную фабрику, потом в плавильню, бросили под молоток... Скуотица! Они будут искать что-то более яркое и сильное – напитавшие золото воспоминания человека, который его носил...

– Значит, можно передавать свои воспоминания неодушевленным предметам?

– Еще как! И чем сильнее твое чувство, тем крепче оно прицепится. Знаешь, некоторым вообще кажется, что у ювелирных изделий, старых картин и винтажных автомобилей даже есть душа! Наука, правда, утверждает, что на самом деле ее у них нет – только воспоминания людей, с которыми они были связаны. Если какой-то предмет любили, ценили и холили, память обретает особую силу, и ее можно пробудить и прочесть...

– А хрустальная баночка для чего?

– Смотри. И учись.

Леди Моугон между тем вытряхнула из пузырька на кольцо, которое держал Полноцен, всего одну капельку. И кольцо тотчас превратилось в маленького терьера, который сидел на земле и весело помахивал хвостиком. Собачка – по виду состоявшая из чистого золота – слегка мерцала и переливалась, что говорило о ее нереальности.

– Умница, молодец, – сказала ей леди Моугон. – Ищи!

Маленькая ищейка памяти⁹ негромко гавкнула и сразу устремилась прочь, внимательно обнюхивая землю по сторонам. Она силилась вспомнить, куда же могло подеваться пропавшее кольцо. Леди Моугон с Полноценом последовали за терьерчиком прочь

⁹ Научное название – *Canis mnemonicus*. Способность собак к розыску вещей имеет давнюю традицию и отнюдь не случайно была использована чародеями.

от дороги, открыли ворота, перед которыми он остановился, и побежали за ним через луг, порядком насмешив нескольких пасшихся там коров. Время от времени чародеи останавливались, когда ищейка присаживалась поразмыслить или просто почесать за ухом. Потом песик срывался с места в совершенно неожиданном направлении, и они бегом поспевали за ним. То и дело собачка возвращалась на уже пройденное место, ища потерянный запах. Все это время леди Моугон неотступно целилась в нее вытянутым указательным пальцем.

Вот собачка погналась было за своим собственным хвостом, но поняла свою ошибку и двинулась дальше...

– Вот бы знать, что с ним все же произошло... – сказал Тайгер, шагая вместе с нами через поле, по которому удалялись чародеи. Вот мы миновали перелаз, перешли боковую дорогу, углубились в лесок...

– С ним, это с кем?

– Да с моим чемоданом, – сказал Тайгер. Видимо, он так и не смирился про себя с потерей скудного сиротского багажа. Он так и пояснил: – Хорошо хоть, у меня там ничего не было. У меня же вообще ничего нет, никакой собственности. Только тот чемодан я и имел. Понимаешь, меня в нем ведь нашли...

На самом деле ничего сногшибательного в его заявлении не было. Подумаешь, отсутствие какой-либо собственности. Или даже тот факт, что его нашли в красном чемодане на колесиках и с внутренними кармашками для туалетных принадлежностей. Мы с Тайгером повидали и не такое. Его, как и меня, оставили на ступеньках монастыря Благословенного Сестринства Лобстера. А потом продали в «Казам», в кабальное служение, которое будет длиться, пока нам не исполнится по восемнадцать. Мне предстояло трубить еще два года, потом я смогу подать прошение о гражданстве. Тайгеру оставалось еще шесть лет пахоты.

Мы с ним не жаловались, потому что таков был порядок вещей. Войны Троллей у нас приключались часто, бывали неизменно дорогостоящими и опустошительными и порождали множество вдов и сирот. С другой стороны, гостиницам, прачечным и заведениям фастфуда требовалась рабочая сила, которой и служили найденыши. Из двадцати трех королевств, герцогств, социалистических коммун, корпоративных и прочих владений, составлявших Несоединенные Королевства, только три державы объявили торговлю найденышами вне закона. Херефордское королевство в их число не входило. К несчастью для нас – да что с этим поделаешь!

– Когда магическое поле как следует восстановится, мы обязательно выручим твой чемодан, – сказала я Тайгеру. Мне ли было не знать, какой ценностью обладала для найденыша любая ниточка, связывавшая его с родителями! Меня вот, например, оставили на переднем сиденье «Фольксвагена-жука». Того самого, на котором я разъезжала теперь. И трудно было найти силу, которая разлучила бы меня с этой машиной...

– Да ладно, не парься, – сказал Тайгер, являя самоотверженность и смирение, служащие большинству из нас, найденышей, утешением. – Это дело может и подождать.

Проследовав за Моугонихой, Полноценом и золотистой ищейкой через лесок, мы вошли в ворота давно заброшенной фермы. Полуразрушенные здания из красного кирпича заросли колючей ежевикой, вьюнком и молодыми кустами лещины. В сараях с провалившимися крышами еще виднелась ржавая техника. Чувствовалось, что здесь очень долго никого не было.

Ищейка памяти пробежала через двор, остановилась у неухоженного колодца и возбужденно завиляла хвостом. Поравнявшись с ней, леди Моугон сделала сложный пасс рукой, и собачка принялась ловить свой хвост. Она вертелась все быстрее и быстрее, сливаясь в сплошной золотой вихрь – и наконец на каменной плите с легким звоном заплясало кольцо.

Леди Моугон подняла его и передала мне. Оно было теплое, от него шел запах щенков... Полноцен отворил скрипучую от старости дверцу колодезного домика, и мы разом заглянули внутрь, в уходившую вниз кирпичную трубу.

Далеко-далеко, в чернильных потемках, дрожал маленький кружок неба. Оттуда смотрели на нас наши отражения.

– Оно там, – сказала леди Моугон.

– И пусть бы там и лежало, – с кислой миной ответил Полноцен. – Говорю же, тут что-то нечисто...

Я поинтересовалась:

– И насколько все плохо?

– Я бы сказал, седьмой круг Несправедливости. А еще тут как бы послекусие старого заклинания...

Все помолчали, обмозговывая эти слова. Я как-то остро ощутила, каким холодом тянуло из колодезных недр.

– Я тоже кое-что чувствую, – сказал Перкинс. – Как будто через плечо заглядывает кто-то, кто мне очень не нравится.

– Ну не хочет оно, чтобы его находили! – сказал Полноцен.

– Нет, – возразил Перкинс. – *Кто-то* не желает, чтобы его обнаружили.

Волшебники переглянулись. Одно дело – пропажа. Намеренно спрятанное – совсем другой коленкор...

– У меня на уме пять тысяч уважительных причин отыскать его, – сказала леди Моугон. – Так что давайте найдем.

И она простерла над колодцем ладонь, чтобы извлечь искомое кольцо из донного ила, однако произошло неожиданное. Не знаю, сдвинулось ли кольцо, а вот руку Моугонихи резко и сильно дернуло вниз.

– Оно на якоре. И противится моему приказу, – сказала она скорее озадаченно, чем озабоченно. – Мистер Прайс?

Полноцен присоединился к ней, и они взялись вытаскивать упрямое кольцо уже вдвоем. Но едва они приступили к подъему, как в земле у нас под ногами глухо зарокотало, и кирпичи в колодезной стенке зашевелились. Мы с Тайгером поспешно отскочили. Чародеи не двинулись с места и лишь наблюдали, как старое, давно позабытое заклятие перекладывает кирпичи, замуровывая устье колодца. Всего несколько секунд – и нашим глазам предстал глухой кирпичный набалдашник.

– Впечатляет, – сказала леди Моугон.

То, что происходило, в действительности было состязанием колдунов, разделенных тремя десятилетиями. Как ни крути, заклинание, оставленное стеречь кольцо, еще продолжало действовать.

– Голосую за то, чтобы оставить все как есть и уйти, – сказал Полноцен.

– Это вызов, – возбужденно перебила леди Моугон. – А вызовы я люблю!

Подобной живости в ней я давно уже не замечала. Всего несколько минут – и она выработала план действий.

– Всем слушать сюда! – сказала она. – Мистер Прайс вскроет колодец, используя стандартное Обращение Потока. Как долго вы сможете его удерживать, мистер Прайс?

Полноцен задумчиво втянул воздух в щель между передними зубами.

– Секунд тридцать, – сказал он затем. – Максимум сорок.

– Должно хватить, – кивнула леди Моугон. – Но поскольку кольцо активно сопротивляется подъему, кому-то придется спуститься туда за ним. Я отправлю этого человека вниз головой на дно с помощью левитации, чтобы он мог забрать кольцо. Вы, мистер Перкинс, послужите проводником магической силы для меня и мистера Прайса. Справитесь?

– Сделаю что смогу, мэм, – поклялся ошчастливленный Перкинс. Леди Моугон никогда еще не просила его ассистировать.

– У него еще нет лицензии, – сказала я. – Вы лучше меня знаете, каким может быть наказание.

– А кто донесет? – парировала она. – Ты, что ли?

Я сказала:

– Я не могу этого разрешить.

– Я обращалась к Перкинсу, – зло глядя на меня, сказала Моугониха. – Итак, мистер Перкинс?

Перкинс посмотрел на меня, потом на леди Моугон. И сказал:

– Я это сделаю.

Я промолчала. Нам всем было известно, насколько неприятными могут оказаться последствия нелицензированного колдовства. Гражданские и без того относились к практикующим Мистические Искусства с огромным подозрением, и прискорбный эпизод, имевший место в девятнадцатом веке, не очень-то помог делу. В те годы один бесноватый колдун, взявший имя «Варварски Варварский Бликс», решил использовать свое могущество для установления мирового господства. Ясен пень, его победили, но репутация магов была подорвана весьма основательно и очень надолго. Достаточно сказать, что чиновничество буквально утопило нас потоками справок и бумаг, которые мы заполняли по самому пустячному поводу. Вот уже два века шла борьба за то, чтобы волшебство стало безопасным удобством вроде электричества, и мы еще не полностью преуспели. Однажды утраченное доверие восстанавливалось с огромным трудом...

Но, повторяю, я промолчала. Мое дело было напоминать им о правилах, а не настаивать на их исполнении. Я же не полицейский.

– Отлично, – сказала леди Моугон. – Приступим.

– Погодите-ка! – сказал Тайгер, сообразивший, что спускать в колодец вниз головой будут именно его, как самого легкого. – Там же темно небось, как у кита в брюхе!

Я протянула ему стеклянный шарик, вынутый из рюкзака. Я предпочитала брать с собой на выезды кое-какие полезные мелочи вроде этой.

– Питается ядовитыми шуточками, – сказала я.

– Ух ты! – Тайгер схватил шарик, и тот немедленно вспыхнул.¹⁰

– Еще тебе понадобится вот это, – сказала я, привязывая ему на шею детский ботиночек. Закрепив узелок, я шепнула в парный ботиночек, оставшийся у меня в руке: – Слышишь меня?

– Да, – ответил Тайгер. – Хорошо слышу... Так я что, должен нырнуть вверх тормашками в этот колодец, продолжая язвить без передыху – и с ботинком на шее?

– Для переговоров можно было бы использовать и ракушку,¹¹ – со знанием дела проговорил Перкинс. И добавил беспомощно: – Только у нас ни одной нет.

– Да и вид у тебя с раковиной, привязанной к голове, был бы как у полоумного, – добавил Полноцен.

– Так вот почему я весь дрожу – насмешек боюсь, – фыркнул Тайгер, и шарик разгорелся ярче прежнего.

¹⁰ По науке это явление называется «сакроломинесценцией». С его помощью эмоциональная энергия весьма эффективно преобразуется в магическую. Соответствующее заклинание новички обычно осваивают одним из первых.

¹¹ Раковины морских улиток нередко используются для связи на средние расстояния. Гигантские спиральные раковины до сих пор используются для межконтинентальных сообщений. Детские ботиночки покрывают дальность порядка шести-десяти ярдов, но они куда легче раковин и не такие хрупкие.

– На поиск кольца у тебя будет не более тридцати секунд, – объявила леди Моугон. – И, поскольку его может оказаться непросто найти в вонючей грязи, полной болезнетворных микробов, тебе потребуется моя помощь...

– Вы что, тоже нырнете?

– Господи, конечно нет! Ты за кого меня держишь, за идиотку?

Тайгер осторожно проговорил:

– Как по мне, отвечать на этот вопрос может быть вредно для здоровья...

– Можешь отвечать как угодно, я на таких, как ты, все равно не обращаю внимания. Вот, держи!

Она вручила ему изящную кожаную перчатку и велела надеть, а парную к ней натянула сама. Как и ботинки с ракушками, перчатки имеют зеркальную симметрию. Это устанавливает между вещами из одной пары дружественную связь, наделяя их способностью работать вместе даже на расстоянии.

Вот леди Моугон сомкнула и разомкнула кулак, и рука Тайгера проделала то же. Она крутанула рукой – и рука Тайгера повторила движение, пока сам он изумленно хлопал глазами. Теперь он превратился во что-то вроде рабочего органа леди Моугон, и даже лучше, поскольку у перчаток имелась обратная связь. То есть леди Моугон сможет почувствовать, чем там занимается Тайгер.

– И как тебе? – спросила она.

– Странное чувство, – сказал он. – А что будет, если за тридцать секунд я не отыщу эту хреновину?

– Тогда колодец закроется, и велика вероятность, что ты проведешь весь остаток своих дней закупоренным в глубоком колодце вместе с бактериями и мокрицами. Когда же иссякнет твой сарказм, тебя поглотит беспросветная тьма...

– Что-то, – сказал Тайгер, – расхотелось мне туда лезть...

– Подбери сопли, – хмыкнула леди Моугон. – Если бы мы поменялись местами и ты стал искусным чародеем, а я – никчемным найденышем, обладателем бездарного имени, я бы кинулась в эту дыру, точно актер после бесплатного обеда...

Тайгер покосился на меня и вопросительно поднял бровь. Я сказала ему:

– Ты не обязан делать это, если не хочешь.

– Леди Моугон просто озвучила самый худший сценарий, – утешил Тайгера Полноцен. – Если ты застрянешь и мы не сумеем самостоятельно вскрыть колодец, мы, конечно, сразу вызовем пожарных. Так что сидеть тебе там самое большее час.

– Ну как в таком случае отказаться? – ответил Тайгер ворчливо. – Ладно, поехали!

Леди Моугон с Полноценом приняли стойку, держа наготове указательные пальцы. На счет «три» Полноцен указал на колодец, и кирпичи послушно разошлись, открыв глубокую дыру. Одновременно леди Моугон указала на Тайгера, и моего юного помощника приподняло над землей, перевернуло в воздухе и вниз головой метнуло в колодец.

Мы заглянули через край... Там было совершенно темно, потом долетел голос Тайгера: «Боже, всю жизнь мечтал о подобной потехе!» – и шарик вспыхнул, озарив кирпичную поверхность трубы до самого дна. Потом голос Тайгера донесся уже из ботиночка. Он сообщал, что достиг дна, что там было грязно и жутко воняло, и видел он лишь сломанный велосипед и старую тележку из магазина.

– Где их только не встретишь! – ответила я. – Дай леди Моугон пощупать дно!

Она уже этим занималась. Удерживая Тайгера одной рукой в нескольких дюймах над водой, второй она шарилась, щупала и рылась в воздухе над своей головой. В шестидесяти футах под нами эти же движения проделывала перчатка на руке Тайгера.

Все это время Тайгер рассказывал нам о происходившем внизу, не забывая перемежать свой «репортаж» ядовитыми шуточками.

– Пятнадцать секунд, – сказала я, сверившись с часами.

– Чувствую нечто странное, – сказал Перкинс. Он стоял в сторонке и ничего особенного не делал, лишь помогал Моугонихе и Прайсу лучше использовать фоновое магическое поле. Примерно так же, как водостоки направляют дождь, текущий по крыше, в сливную трубу.

– И я чувствую, – отозвался Прайс. Он не сводил глаз с колодезного отверстия, его указательные пальцы уже подрагивали от усилия. – Поглядите-ка на это!

Я свесилась через край... Если прежде лишь верхние ряды кладки сместились, чтобы закрыть нам путь вниз, то теперь кирпичи высовывались уже из всех рядов – до самого дна. Колодец обнаруживал явное намерение схлопнуться.

– Тайгера надо вытаскивать! – сказала я леди Моугон.

Та, зажмурившись, продолжала шарить над головой.

– Почти... – пробормотала она.

– Двадцать пять секунд!

– Что там у вас? – спросил Тайгер из ботинка.

– Скоро вытащим тебя, Тайгер, обещаю!

Кирпичи все быстрее двигались к центру. Вниз сыпалась кирпичная пыль, земля и ухвертки. Полноцен трясся всем телом, потая от усилия.

– Я... не... могу... удержать, – кое-как выговорил он сквозь зубы.

– Стены! – голос Тайгера задрожал. – Они складываются!

– Леди Моугон, – произнесла я как можно спокойнее. – Это всего лишь кольцо! Почему бы не оставить его лежать с миром?

– Почти... почти... – бормотала она, отчаянно орудуя затянутой в перчатку рукой.

– Тридцать секунд! – сказала я, глядя на часы. – Хватит! Прекращайте!

Она и не думала останавливаться.

– Моугон! – заорал Полноцен. Его трясло уже так, что указательные пальцы расплылись в воздухе. – Вытаскивай парня! НЕМЕДЛЕННО!

Но на Моугонику уже не действовали разумные доводы. Она так заиклилась на заветной цели, что все остальное очень мало ее беспокоило. И всего менее – участь какого-то там найденыша, которого старинное проклятие вот-вот должно было насмерть задавить кирпичами в шестидесяти футах под землей. Колодец к этому времени сузился уже вдвое, и Полноцен вскрикивал от боли, сиюсь остановить враждебное волшебство. Перкинс тоже трясся от непомерного усилия... а леди Моугон все шарилла и шарилла кругом рукой Тайгера.

Потом разом случилось много всего. Леди Моугон закричала, Перкинс рухнул наземь, а колодец сомкнулся, так тряхнув всех нас, что лязгнули зубы. Я невольно посмотрела на часы... Полноцен выдержал сорок три секунды.

А вот Тайгера было не видеть и не слышать. Колодец превратился в сплошную кирпичную пробку. И где-то там, внизу, под слоями кладки был замурован мальчишка.

Воцарилась тишина. Я хотела что-то сказать, но не могла придумать, что именно. Перкинс с Полноценом стояли на четвереньках, откашливаясь, приходя в себя после непомерных усилий. Леди Моугон просто стояла, держа перед собой неплотно сомкнутый кулак, в котором ни дать ни взять было что-то зажато. Наверное, она успела схватить искомое, но это больше не имело значения. За ее находку была заплачена слишком большая цена.

Я ощутила, как начало гореть лицо. Во мне волной вздымалась раскаленная ярость. Может, я не совладаю бы с ней – ибо нрав у меня такой, что, право, лучше меня не злить, – но у самого края меня остановил еле слышный голосок, прозвучавший из детского ботиночка.

– Эй, Дженни, – сказал этот голосок. – Прикинь, отсюда Башни Замбини видны!

Голос принадлежал Тайгеру. Я нахмурилась... потом невольно вскинула взгляд. В небе над нами виднелась маленькая фигурка, свободно падавшая с высоты. Леди Моугон так лихо выдернула Тайгера из рушившегося колодца, что я даже не заметила его стремительного воз-

несения! А он, взлетев на порядочную высоту, теперь стремительно падал. Я покосилась на леди Моугон, и колдунья подмигнула мне, потом раскрыла сжатый кулак. И живенько переместила на двадцать футов вправо большой стог сена, куда Тайгер с шумом и приземлился несколькими секундами позже. Моугониха же сняла с ладони что-то маленькое, облепленное грязью, и передала мне.

– Держи, – сказала она и торжествующе усмехнулась. – Бюро находок Моугон...

– А круто было, – подходя к нам, сказал Тайгер. Он был весь вымазан грязью и облеплен соломой и сеном. – Штаны чуть не перепачкал, а вообще-то... здорово было! Нет, то есть не перепачкал, ты же понимаешь, – добавил он поспешно. – Но грязь со дна так воняет!

Полноцен первым облек в словесную форму то, что мы все чувствовали:

– А если бы ты не успела? А, Дафне?

– Я *совершенно точно* знала, сколько у меня времени, – отрезала она. – Мастер Проунс не подвергался ни малейшей опасности.

– Не согласна, – ответила я, указывая на прядку волос Тайгера, оставшуюся торчать между плотно сомкнутыми кирпичами: ее прищемило, когда он пулей вылетал вон. – На будущее попрошу вас не подвергать опасности персонал, леди Моугон.

Она смерила меня взглядом и сделала шаг вперед.

– Это ты МНЕ делаешь замечания? – медленно и очень внятно проговорила она. – Ты, недостойная даже сумку за мной носить? Вот вернется Великий Замбини, девочка, тогда и посмотрим, кто чего стоит. Ну да, Проунсу пришлось слегка рискнуть, но, будучи служащим «Казама», он должен принимать не только выгоды, но и риски!

– А что, еще и выгоды есть? – спросил Тайгер, который, пронесшись на волосок от гибели, счел это достойным поводом для нахальства. – Поясните, пожалуйста, а то я как-то не в курсе!

– По-моему, все ясно до боли в глазах, – ответила она. – Ты имеешь честь работать рядом с величайшими на земле из практикующих Мистические Искусства!

– А кроме этого? – поинтересовался Тайгер, ибо насчет величия и чести мы действительно и так понимали.

– А чего еще тебе надо, неблагодарный?... Да, не забудь как следует вычистить перчатку, прежде чем возвращать ее мне. Я только что заработала для компании пять тысяч мула. Вы все должны мне ноги мыть и ту воду...

– Нет, а все-таки на кой было кому-то оставлять такое мощное заклятие, чтобы спрятать кольцо? – спросил Перкинс, искусно переводя разговор в более безопасное русло.

Никто ему не ответил, потому что никто не мог придумать достойной причины. Я же смотрела на маленький, заросший грязью терракотовый горшочек, врученный мне леди Моугон. Он был размером с грушу и не представлял собой ничего такого особенного. Примерно в таких горшочках некоторые держат смеси пряностей на кухне. Я сунула палец внутрь и ощупывала склизкую грязь, потом что-то нашарила и вытянула наружу золотое кольцо.

Пролежав тридцать лет в колодце, оно было удивительно чистым и сверкало по-прежнему ярко. Оно, правда, было немалого размера, на крупный палец, но в остальном – самого обычного вида. Ни надписей, ни резьбы, – просто золотой ободок. Полноцен потянулся было к нему, но поспешно отдернул руку.

– От него так и пышет отрицательной магической энергией, – сказал он. – Тут какая-то смесь боли и ненависти... словом, тяжелые чувства. Оно помнит насилие и предательство... Оно проклято!

– Что полностью объясняет всю здешнюю жуть, – поморщился Перкинс.

Все попятись, не сговариваясь. Проклятия – что-то вроде вирусов магического мира. Такие вредоносные нити отрицательной энергии, свернутые в ядовитые пружинки и только

ждущие, чтобы прыгнуть вперед и опутать ничего не подозревающую жертву. Они готовы прилипнуть к кому угодно, а избавляться от них – сам черт не возьмется.

Неловкое молчание первой нарушила леди Моугон.

– Собственно, о чем мы беспокоимся? – сказала она. – Пять тысяч мула – они и есть пять тысяч мула. Мы свое дело сделали, а что там будет дальше – уже не наша забота. И чем вас так удивляет проклятие? В этой стране на каждом шагу болтаются бесхозные нити проклятий, оставленных минувшим страданием...

Вот тут она, к сожалению, была совершенно права. История Несоединенных Королевств развивалась порой весьма кроваво и бурно, и заклятия, брошенные в минуты страшных переживаний, торчали буквально повсюду. Причем держались они на удивление долго, и, для того чтобы оживить их, хватало порой самых простых действий. Иногда было достаточно просто начать рыться в огороде. Представьте, человек спокойно сажает картошку – а в следующий миг удирает от множества вил, сыплющихся на него сверху!

– Не нам одним рисковать, пусть и другие рискуют, – добавила леди Моугон. – Или ты хочешь, чтобы все пережитое нами нынешним утром оказалось напрасным – и только ради того, чтобы ненароком не передать кому-то *возможность* проклятия?

– Как ни странно, – сказал Тайгер, ощупывая место на своей голове, откуда была выдрана прядь, – в этом плане я с леди Моугон солидарен.

– Редкое здравомыслие со стороны того, кто обычно изрекает лишь глупости, – заметила леди Моугон. – Итак, мы свою работу здесь завершили.

Она опять была права. Мы в молчании вернулись на площадку для отдыха, и Моугониха отчалила на своем мотоцикле, так и не прибавив ни слова. Я только вздохнула. Зарабатывать на жизнь магией – это вам не увеселительная прогулка под безоблачными небесами... Бывает несложная работа, но ее вполне уравнивают задания вроде нынешнего. Если кольцо в самом деле грозило проклятием, для мисс Шард или для кого-то связанного с нею оно могло стать серьезным источником неприятностей. С другой стороны, пять «кусков» должны сделать главное – способствовать величию и достоинству волшебных искусств... С третьей стороны – много ли достоинства (не говоря уже о величии) в том, чтобы искать потерянное и переоборудовать чердаки?..

И вообще, как сказала леди Моугон, – дальнейшее нас не касается.

Держа в руке кольцо, я подошла к «Роллс-Ройсу», дожидавшемуся нас на парковке. Я постучала в тонированное окно, и стекло с легким жужжанием опустилось.

– Увенчались ли ваши усилия по розыску позитивным результатом? – спросила мисс Шард.

– Простите, не поняла?..

– Вы нашли его?

Я немного помедлила, после чего плотнее сжала кулак.

– Боюсь, нет, – сказала я, возвращая второе кольцо, то, которое послужило ищейкой. – Пожалуйста, передайте клиенту наши глубокие извинения. Мы сделали все, что смогли.

Она слегка удивилась:

– И даже никаких намеков на его возможное местонахождение?

– Никаких, – ответила я. – Тридцать лет прошло как-никак.

– Ну что ж, – сказала мисс Шард. – Тем не менее я очень вам благодарна. Возможно, по возвращении мой клиент займется его поисками лично.

Она пожелала мне всего доброго, «Роллс-Ройс» с мурлыканьем покинул стоянку и влился в поток утреннего движения на шоссе. Я проводила взглядом удалявшийся автомобиль, и смутные, но очень нехорошие предчувствия не оставляли меня. Чего именно они касались, понять я не могла. Я засунула кольцо обратно в горшочек, а узкое горлышко заткнула носовым платком.

Пока мы возвращались в город (без пятитысячного гонорара), я задним числом обдумывала свои действия по поводу кольца. Я была уверена, что поступила правильно. Безответственное отношение к возможным последствиям нашей деятельности было бы оскорблением той силы, к которой мы были прикосновенны. Проявись проклятие – и кирдык нашей едва завоеванной репутации!

Я даже улыбнулась про себя, подумав, что на моем месте Великий Замбини поступил бы так же.

А ведь ничего не скажешь – насыщенное выдалось утро...

Башни Замбини

Я поставила машину на заднем дворе Башен Замбини и, отправив Тайгера под душ – отмываться от вонючей колодезной грязи, – пошла в здание.

Во времена давно минувшей славы здесь располагался отель «Мажестик», один из четырех, принимавших престижнейшую церемонию вручения награды «Деспот Десятилетия». Путеводитель «Какую гостиницу выбрать?» называл «Мажестик» «самым роскошным отелем во всех малых королевствах» и указывал, что еда здесь вполне может оказаться отравлена, но вероятность ни в коем случае не стопроцентная.

Да, славное было времечко...

Сегодняшний «Мажестик» – бывший – являл собой бледную и облезлую тень былого величия. Бальный зал, где некогда принцы категории «В» увивались за дамами сердца под сладостные звуки струнных квартетов, превратился в столовую, пахнувшую сыростью и подгорелыми тостами. А президентский люкс, где когда-то предавались изысканным утехам постояльцы благородных кровей, ныне служил обиталищем Таинственным Икс. Никто толком не знал, «кто» или, скорее, «что» представляли собой эти самые Икс, но вот некоторые интимные привычки у них были самые отвратные, на грани недопустимого.

Я прошла вестибюль, где рос большой, развесистый дуб, крепко обвивший узловатыми сучьями мебель и узорчатую чугунную решетку давно не работавшего кафе. Дерево вырастил Дэвид, младший из близнецов Прайсов, более известный как «Скидка». Вырастил в качестве курсового проекта лет двадцать назад, а убрать так и не озаботился.

Войдя в офис «Казама», я включила свет, бросила сумку на кресло и спрятала терракотовый горшочек в ящик стола. Этот офис был, без преувеличения сказать, нервным центром компании. Лет пятьдесят назад, когда магия была в полной силе, здесь царила бурная деятельность. Не менее тридцати менеджеров только успевали записывать заказы и согласовывать заклинания... теперь столы стояли пустые, но мы не убрали ни мебель, ни телефоны, – просто чтобы помнить, как здорово все было когда-то и, будем надеяться, еще будет однажды.

Усевшись за стол, я еще немного поразмыслила о нашем утреннем приключении, сделала кое-какие пометки в блокноте, потом подняла телефонную трубку и вызвала хранившийся в памяти номер.

– Вы позвонили в агентство «i-Магия», – раздался на том конце надменный молодой голос. – Под водительством Всесильного Бликса оказываем услуги лучшего качества, быстрее и дешевле «Казама». Чем могу вам помочь?

– Нехорошо выражаешься, Глэдис, – сказала я. Со дня Большой Магии конкуренция между двумя Домами Волшебства стала еще бескомпромиссной, но у нас в «Казаме» хоть не было принято унижаться, злословия оппонента.

– На правду не обижаются, Дженнифер, – насмешливо выговорила Глэдис. – Сейчас соединю со Всеси... то есть с Изумительным Бликсом.

Пока происходила коммутация, я улучила время поразмыслить. Конрад Бликс был не только главным чародеем «Индустриальной Магии». Он являлся еще и генеральным менеджером, то есть занимался примерно тем же, что и я. Великий Замбини очень не любил Бликса – и не только потому, что тот доводился недоброй памяти Варварски Варварскому родным внуком. Они просто решительно не сходились во взглядах на предназначение Мистических Искусств. Замбини видел в них орудие социальной справедливости и добра в целом. Бликс усматривал в магии средство обогащения – и немалого.

– Стрэндж, то бишь Странная, – прозвучал в трубке дышавший презрением голос. – Фамилия, вполне соответствующая сути. Я очень занят, девочка, так что говори кратенько.

При всех непримиримых противоречиях между нашими компаниями мы волей-неволей были вынуждены установить некоторые соглашения, а то стало бы невозможно работать. Как-никак и мы и они черпали свое могущество из одного и того же фонового магического поля. Поэтому любое мероприятие, требовавшее более чем пяти тысяч шандаров, предварялось телефонным звонком.

– Вы, я смотрю, название поменяли? – спросила я для начала.

– «Индустриальная Магия» выговаривается тяжело, – пояснил мой собеседник. – Кроме того, «i» перед названием придает ему динамичность и современность. Ты позвонила, чтобы это узнать?

– Нет, – сказала я. – У нас сегодня к одиннадцати с четвертью готовится заклятие на десять кило. Хочу с вами согласовать, чтобы не пересечься.

– У нас на сегодня до половины пятого вечера ничего крупного не намечается, – несколько подозрительно ответил Бликс. – А что вы такого затеваете? Десять мег – дело серьезное. Надо заблаговременно предупреждать!

– Вы же ненамеренно нас вчера придержали, правда? – спросила я, игнорируя его вопрос. Я имела в виду некоторые помехи, с которыми мы столкнулись накануне после обеда при самой что ни есть рутинной работе – возведении строительных лесов.

– Дженнифер, подобные инсинуации ранят меня в самое сердце, – начал неискренне отпираться Бликс. – Мы же профессионалы. Говоря, будто мы кого-то там придержали, ты тем самым подвергаешь сомнению нашу честность...

– Если хоть крупица честности когда-либо упадет в вашу душу, она там умрет страшной смертью от одиночества...

– Когда-нибудь я заставлю тебя подавиться этой наглостью, Дженнифер, и тебе это не понравится. Еще вопросы есть?

– Не без того. Когда это ваш почет успел стать из «Изумительного» – «Всесильным»?

Дело в том, что у магов было принято самолично присваивать себе надлежащий почет. Изображать из себя более могущественного и заслуженного, чем на самом деле, было вроде как не против письменно зафиксированных правил, – просто дурные манеры. Колдуны же всегда отличались повышенной щепетильностью в том, что касалось достоинства и чести... По крайней мере, так считалось.

– Понятия не имею, как это произошло, – ответил Бликс опять же неискренне. – Надо будет обсудить это с Глэдис.

– Премного благодарна, – сказала я. – И не забудьте, пожалуйста, что после двух нам нужен свободный час – Перкинс будет сдавать собеседование на лицензию.

– Все уже в ежедневнике, милая девочка. Кстати, не исключено, что там мы и увидимся.

– Жду не дождусь...

– Как-то ты непочтительна, Дженнифер.

– Мистер Замбини заставил меня пообещать ему... *Сандоп кале н'бааа*, Изумительный Бликс.

– *Сандоп кале н'бааа*, мисс Стрэндж.

Обменявшись, как подобало, старинным приветствием, мы повесили трубки. Я невольно подумала о том, что коли уж Бликс попытался присвоить себе почет «Всесильного», можно запросто дожидаться беды. Когда у чародеев появляются признаки мании величия, это, знаете ли, внушает тревогу...

– Думаешь, Бликс попытается сорвать Перкинсу сдачу экзамена? – спросил Тайгер. Он как раз вошел в комнату, вытирая полотенцем волосы, мокрые после душа.

– Не исключено, – ответила я. – У них подвизается такая Саманта Флинт по прозвищу Смазливая Пробка – уже третий год подряд экзамен заваливает. На этом фоне, если Перкинс сдаст, они и вовсе жидко обделаются.

– Я слышал, – сказал Тайгер, – она свою пятку найти не способна, если ей на ноге стрелочки не вытатуировать. Она же по элементарным навыкам контрольных олком сдать не могла! И что они с ней носятся, не пойму?

– Может, она и безнадежна, – ответила я, – зато красива, точно картинка. Наверно, Бликс полагает, что такая очаровательная колдунья – большое благо для бизнеса.

– Ну, значит, будет у них уникум, – сказал Тайгер.

Физическая красота среди магов была действительно редкостью.

– В любом случае, – сказала я, – с Бликсом надо бы держать ухо востро. Вот бы Патрик из Ладлоу куда подальше его зашвырнул!..

Тут надо отметить, что Патрик был нашим поднимателем тяжестей. Он специализировался на перемещении предметов, в основном на уборке с улиц неправильно припаркованных автомобилей для городского отдела эвакуаторщиков. Сердце у Патрика было золотое, он был кроток, точно ягненок, – это при его-то могуществе и ну очень своеобразной наружности.

– Хорошо бы Патрик действительно за него взялся...

– Я бы тоже порадовалась... Привет, Гектор!

Это уже относилось к Преходящему Лосю, который неожиданно материализовался в нашем офисе около кулера. По своему обыкновению он смотрел в пространство, думая великие лосиные думы. Гектор был шутки ради оставлен нам каким-то магом из давно минувших времен. В чем был кайф этой шутки, кто ее произвел и была ли она смешной – никто толком не знал. Известно было только, что заклятие, благодаря которому Преходящий Лось столько лет болтался в Башнях Замбини, было очень искусно сплетено и невероятно прочно держалось. Делать Гектору было решительно нечего, а впереди у него была вечность – или по крайней мере порядочная ее часть. Поэтому, как правило, на морде у него была написана неизбывная скука. Появлялся и исчезал он случайным образом. Я много раз с ним заговаривала, но он ни разу мне не ответил, и удивляться тут было нечему. Крупные североамериканские травоядные до сих пор в болтливости не были замечены.

Вот и на сей раз Преходящий Лось какое-то время молча смотрел на нас с Тайгером, потом издал скорбный вздох – и рассеялся.

– Ты ведь не отдала кольцо той девушке из «Фантома»? – спросил Тайгер.

За то время, что мы проработали вместе, он успел неплохо узнать меня. В свои двенадцать лет он был очень шустрым парнишкой. Найденыши большей частью все такие. Иначе не проживешь.

– Нет, не отдала, – ответила я. – Слушай, мне так жалко, что ты жизнью из-за него рисковал...

Он передернул плечами и улыбнулся.

– Если честно, мне было по приколу... Ну, кроме того момента, когда меня вверх тор-машками спускали в колодец, а потом выдергивали обратно. Наверно, не надо пока говорить остальным, что ты нас на пять «кусков» опустила?

– Да уж, лучше не говорить...

Я просмотрела почту, выискивая, нет ли чего-то безотлагательно важного. Например, счетов на оплату. Потом проверила уровень фонового магического излучения, сверившись с прибором, называвшимся шандарографом. В отличие от переносного шандарометра, показывавшего уровень магической энергии в данной конкретной точке, шандарограф позволял отслеживать долговременные изменения в напряженности магического поля. Примерно так, как метеорологи отслеживают атмосферное давление. Всегда можно было уловить осуществленное заклинание, оценить его мощность и место произнесения. Просмотрев длинную бумажную ленту, медленно выползавшую из машины, я отметила, что прибор должным образом записал наши утренние усилия – четырнадцать мегашандаров, шесть миль

к востоку. Я даже увидела всплеск – это Полноцен сделал отчаянное усилие, удерживая колодец. Лента запечатлела и заклятия, произведенные «i-Магией» в Страуде. Выработка у них и у нас оказалась примерно одинаковой. Правда, я знала, что Бликс отправит Воистину Необычного Чанго Маттни на другой конец города поднимать грузовик и заставит держать его двадцать минут в воздухе только ради того, чтобы мы думали – вот какая занятая компания, вот у них сколько работы!

Ничего не скажешь, «i-Магия» здорово нам досаждала, но реальной опасности от нее мы не ждали. У них было всего три действующих волшебника – Бликс, Чанго и дейм¹² Корби, «Та, Кого Слушаются Муравьи», – а у нас пять. Еще у нас имелось двое Летающих на коврах¹³ и один вполне вменяемый предсказатель, а у них по этим специальностям не было никого. С другой стороны, им не приходилось кормить тридцать шесть отставных чародеев, практически выживших из ума. И потом, у них имелся дополнительный источник дохода. Дейм Корби унаследовала империю по производству сушильно-гладильных прессов для брюк, и было похоже, что дивиденды по сию пору оставались внушительными. Несмотря даже на изобретение быстросохнущих тканей.

Я взяла с сушилки одну из двух оставшихся у нас самоочищающихся чашек, налила себе чаю из неиссякаемо кипящего чайника. Подлила молока из вечно полупустой заколдованной бутылочки, стоявшей в холодильнике...

– Привет, Дженнифер, – сказал голос с дивана. Там зашевелился, сел и стал почесываться кто-то потасканный и лохматый.

– Утро доброе, Кевин, – сказала я, подавая ему чашку чаю с печеньем из опять же неиссякаемой жестянки. – Как дела? Все хорошо?

Кевин был худым мужчиной, чей тридцатый день рождения минул незамеченным лет двадцать назад. Несмотря на бомжеватую наружность и замызганную одежду, от которой отказались бы в самом последнем благотворительном магазинчике вдов Войн Троллей, Кевин был, как всегда, чисто выбрит и безупречно подстрижен. Одним словом – этакий яппи, прикинутый под бродягу.

– Все хорошо, как обычно, – ответил он, зевая.

То обстоятельство, что Кевин вечно спал одетым и на диване, хотя располагал отменной собственной спальней, объяснялось очень просто. У него было предвидение, что он умрет в своей постели, вот он и старался по возможности ее избегать. Глупость, скажете? Ничего подобного. Кевин Зипп был нашим штатным пророком. Эта чародейская специализация подразумевала способность просматривать миллионы вариантов альтернативного будущего, время от времени выхватывая что-то, что действительно должно было произойти. Закавыка была в том, что, как и у большинства оракулов, его предвидения могли быть туманными или вовсе ошибочными. Например, однажды Кевин провидел «свирипых пришельцев с Марса», которые на поверку оказались «верными болельщиками „Марса#“, – есть некоторая разница, согласитесь? А когда он пообещал нам «правление матроны, зовоной Ливия», мы получили «падение метеоров из созвездия Льва». Тем не менее его показатель сбываемости составлял почтенные семьдесят три процента. И со времени Большого Магического Взрыва лишь возрастал.

– Есть для нас что-нибудь? – спросила я, зная, что иногда Кевина посещали ослепительные видения, о которых он просто никому не рассказывал, ибо не понимал, к чему они относились.

¹² Дейм – в Великобритании – титул орденосной дамы (*прим. перев.*).

¹³ Поскольку *ковер* покрывает весь пол, а *коврик* – только часть одного, название «*ковер-самолет*» следует признать ошибочным. Всему виной неверный перевод с персидского (как известно, летучие ковры все родом из Персии), сделанный в семнадцатом веке. С тех пор название успело необратимо укорениться. Летающего на ковре следовало бы правильнее называть «ковриклетчиком», или по-французски – «тапистигатором».

– Кое-что есть, – ответил он и отпил чаю. – Что-то насчет Владыки Видения. И о том, что цена на лифты должна упасть...

– Упасть?

– Ну, или подняться. Одно из двух. А может, то и другое...

– Владыка Видения? – переспросила я и потянулась за соответствующим журналом. Туда мы записывали все предсказания, пророчества и намеки, сделанные нашими предсказаниями. – Это как в названии сети магазинов очков – «Вам дорога к „Владыке Видения#»?¹⁴

– Не уверен, – сказал Кевин. – Возможно, речь шла о величайшей из предсказательниц – Владычице Видений...

– Сестра Иоланда из Килпека¹⁵ умерла более двенадцати лет назад, – сказала я, делая запись в журнале видений. – Под трамвай угодила.

– Да, – печально кивнул Кевин. – Не увидела, как он подъехал.

– Почему ты о ней вспомнил?

– Сам не знаю... Да, и еще у меня было видение про Великого Замбини!

Я тотчас наострила уши.

– В самом деле?

– Он должен скоро вернуться.

Вот это были в самом деле хорошие новости! Великий Замбини бесследно исчез восемью месяцами ранее, осуществляя простейшую дематериализацию на детском утреннике, и с тех пор мы безуспешно пытались его вернуть. А поскольку Кевин и Замбини хорошо знали друг друга, прорицатель неизменно попадал в точку с его появлениями. Вот только делал он это всегда с запозданием, и мы ничего уже не успевали поделать.

Я жадно спросила:

– Когда?

– Сегодня в шестнадцать часов, три минуты и четырнадцать секунд.

– А где, знаешь?

– Ни малейшего понятия. Только то, что он будет присутствовать несколько минут.

– Не больно информативно, – заметила я. – Несоединенные Королевства – довольно-таки обширное «где». А несколько минут – не такое большое «когда», чтобы нам удалось его разыскать...

– Искусство предсказаний не является точной наукой, – виновато пробурчал Кевин. – То есть вообще не наука, как мне кажется. Может, ближе к сроку я смогу сказать поточнее...

– А предсказать, когда сможешь сказать, не получится? – спросила я, не теряя надежды.

– Нет.

Я снабдила каждую запись о его видениях порядковым номером – от RAD094 до RAD096 – и затем попросила его не уходить от офиса далеко, чтобы дать мне знать немедленно, как только он выяснит что-нибудь определенное. Прошлый раз Кевин заставил нас занять позиции на улицах деревушки курортного герцогства Котсуолд, где Замбини возник на целых пятьдесят семь секунд, прежде чем снова исчезнуть. Все мы – пятнадцать человек – изо всех сил вертели головами и все-таки прозевали Замбини, возникшего в шкафу, где некая миссис Бишоп держала запасы варенья. Он, наверное, толком даже не понял, где оказался, но это не помешало ему опустошить баночку лучшего джема из гибрида малины с ежевикой.

Вот такие задачки подкидывал нам Великий Замбини. Его носило туда и сюда в пределах Настоящего, точно мячик для пинг-понга по доске, – почти как Преходящего Лося,

¹⁴ Первый рекламный слоган этой компании гласил: «Глаза на лоб лезут? Вам нужен „Владыка Видения#!» Однако он не понравился и был спешно заменен.

¹⁵ Коэффициент сбываемости у сестры Иоланды пребывал на недостижимой отметке 92 %. Правда, прожив шестьдесят семь лет, она сделала всего лишь 225 предсказаний, чем, возможно, дело и объясняется. Большинство ее коллег ежедневно выдают дюжины предсказаний.

только в куда больших географических пределах и гораздо стремительней. Мубин полагал, что Замбини, исчезая, что-то напутал с заклятием. Вот вытащим его обратно, тогда и узнаем наверняка. Если вытащим...

– В общем, как что-то забрезжит насчет места, сразу меня зови, – повторила я. Попросила Тайгера принести Кевину завтрак и свежие газеты – и принялась составлять рабочее расписание на следующие несколько дней. Со средой и четвергом все было ясно. Пятницу мы полностью расчистили ради перестройки моста, и этот проект уже занимал наши мысли. Поимаете, в Херефорде имеется всего один достопримечательный мост – каменный, арочный, возведенный в двенадцатом веке. Вернее, имелся. Три года назад он обрушился, погубленный небрежным содержанием и мощными зимними наводнениями. Теперь он представлял собой кучу мокрых камней, и лишь основания быков и береговых устоев напоминали о том, каким он когда-то был.

– Нам же надо без накладок восстановить его, так? – спросил Тайгер. От него не укрылось, как я рассматривала старые фотоснимки моста.

– Да уж, – ответила я. – Еще как надо. Если нам удастся перейти от мелкого домашнего ремонта к гражданским строительным проектам, «Казам» наконец-то можно будет назвать серьезной конторой. Опять же, должны улучшиться отношения с общественностью, что нам, сам понимаешь, жизненно необходимо. Я только надеюсь, Мубин хорошо знает, что делает. Он говорит, вся перестройка у него расписана до мелочей, но не оказалось бы, что на самом деле он планирует разобраться по ходу дела...

Тайгер вдруг щелкнул пальцами, что-то припомнив.

– погоди, Полноцен вроде сказал, что Мубин приглашал нас посмотреть на свой эксперимент?..

– Сказал. Так что поди выясни, когда нам подойти. Как вернешься, заполни формы В1–7g на нашу утреннюю работу. Только помни, участие Перкинса ни под каким видом не упоминать!

В дверь постучали. Я оглянулась и увидела на пороге невысокого человечка в стильном костюме и с портфелем в руках. Он показался мне смутно знакомым.

– Меня зовут мистер Тримбл, – объявил этот персонаж. – Я представляю адвокатскую контору «Тримбл, Тримбл, Тримбл и Тримбл».

И он вручил мне визитку.

– Мы уже встречались, – с холодком в голосе ответила я. – В тот раз вы действовали от имени «Объединенной Корпорации Полезного Претворения Земель».¹⁶

– Тот раз к вам приходил кто-то из других Тримблов, – пояснил человек. – Я вот тут, – и он указал на вторую слева фамилию. – Дональд с тех пор был лишен практики. Нехорошо получилось...

– Ясно, – ответила я. – Меня зовут Дженнифер Стрэндж, я генеральный исполнительный менеджер агентства магических услуг «Казам». Не хотите присесть?

Мистер Тримбл устроился в предложенном кресле и сразу перешел к сути дела.

– У меня есть состоятельные и весьма влиятельные клиенты, – сказал он. – И они желают сделать «Казаму» деловое предложение.

Мне все это подсознательно не понравилось, но Тримбл по крайней мере вел себя честно... а мне как-никак предстояло еще отрабатывать упущенные пять тысяч мула.

¹⁶ Это подразделение компании «Соединенные Полезности», главного в Несоединенных Королевствах производителя дешевого барахла. Фирма до того мощная и обширная, что однажды она даже обзавелась собственным королевством – островом Соединенных Полезностей, или попросту Барахолкой. Там теперь завод на заводе, и всюду без отдыха вкалывают плохо оплачиваемые работяги, благодаря которым Несоединенные Королевства постепенно становятся ведущим экспортером дешевого барахла. Недавно выдвинутая инициатива закапывать продукцию прямо в землю на намывных территориях, тем самым избегая разорительных транспортных расходов, была встречена горячим одобрением.

– В самом деле? – спросила я несколько подозрительно. – И какого рода предложение? Мистер Тримбл глубоко вздохнул.

– Мои клиенты, – сказал он, – желали бы, чтобы «Казам» реанимировал сотовую телефонную сеть.

Что ж, к нам уже не первый раз обращались с просьбами привести в чувство мобильную сеть. И, судя по всему, не в последний. Мобильники были первым, что отрубилось, когда общее падение магических энергий привело к постепенному отключению всего, что по сути своей работало на волшебстве. В общем, сотовые телефоны и компьютеры перестали работать еще в 1993 году, а GPS-навигаторы – в 2001-м. Конец наступил в 2004-м, когда испустили дух последние бытовые электромагические устройства – микроволновки. Произошло это из-за того, что авиационные радары использовали тот же электромагический принцип. Короче, в настоящее время единственными из больших и малых устройств, которые еще кое-как действовали, оставались компасы, указывавшие на север, и непадающие велосипеды, удерживаемые в вертикальном положении с помощью особых заклятий. Их тоже следовало бы отключить, но магия в этой технике была настолько стара, что никто уже и не знал, как с ней обращаться.

– К нам уже обращались из «Дозвонись-Докричись», «N₂O» и «Вода-Банни», – сказала я, – и мы всем отвечали одно и то же: всякому овощу свое время. Мобильные сети оживут, как только мы сумеем вернуть электромагические технологии с более высоким приоритетом. Медицинские сканеры, потом микроволновые печки...

– Насколько скоро это может случиться?

Я пожала плечами.

– Конечно, их возврат займет какое-то время. Когда отключали электромагические заклятия, никто не позаботился их записать. Так что теперь приходится многое изобретать заново. Сами подумайте. Чтобы заработала элементарная игрушка йо-йо, требуется более двухсот строк волшебного текста. Ксероксу требуется уже тысяч десять... Теперь хотя бы в осях представляете всю сложность процесса? А кроме того, – добавила я, – всеобщее отключение дает нам уникальную возможность перенаправить магию в целом. Можно будет не наступить на те же грабли, что прошлый раз. Выдача лицензий частным лицам и корпорациям отдала магию в далеко не всегда достойные руки. А ведь на самом деле магия должна принадлежать всем! И никому по отдельности!

Несколько мгновений мы с мистером Тримблом смотрели друг на дружку. Я высказала точку зрения, которую разделял и Великий Замбини, и почти все сотрудники «Казама».

– Ну хорошо, – сказал мистер Тримбл. – Может быть, вы хотя бы донесете мое предложение до своих колдунов? Я хотя бы смогу передать своим нанимателям, что отказ был единогласным...

Я пообещала переговорить с персоналом, и мистер Тримбл потянулся за шляпой, которая успела автоматически переключиться на вешалку. Так работало заклятие самонаведения порядка, пронизывавшее все здание.

– Спасибо, что уделили мне время, – сказал стряпчий. – Руководство «Дозвонись-Докричись» будет очень обрадовано, если вы пересмотрите свою сегодняшнюю позицию.

И, пожав мне руку, он удалился.

В одиночестве я сидела недолго. Скоро, воспользовавшись «окном» в расписании полетов, ко мне заглянул принц Назиль, Латающий на ковре. Я с первого взгляда поняла, что настроение у него было не очень.

– Ну сколько можно развозить пиццу? – проговорил он раздраженно. – Когда ж настоящая-то работа начнется?

– Быть может, куда скорей, чем ты думаешь, – сказала я. – Вот, кстати, задание для тебя есть.

Его Королевское Высочество принц Омар Смит Аркрайт Бен Назиль состоял у нас Летающим на ковре. И это была бы весьма благородная и увлекательная профессия... если бы не прискорбный инцидент, случившийся однажды в зимнюю ночь, когда брат Велобий разбился вместе с двумя пассажирами. Его туркменский ковер, Mk18C «Бухара», просто развалился в полете, разрушенный усталостными явлениями в ткани. С тех пор Управление гражданской авиации стреножило летунов такими жесткими правилами безопасности, что использование ковров стало почти убыточным. Ограничения скорости, обязательные ходовые огни, запрет на пассажирские перевозки... Вот и осталось им только пиццу развозить и доставлять мелкие грузы.

– Дело вот в чем, – сказала я принцу. – Кевин только что предсказал, что Великий Замбини появится сегодня в шестнадцать ноль три и четырнадцать секунд.

– Дай-ка угадаю, – ответил Назиль. – Кевин сказал когда, но не сказал где?

– Вот именно, – кивнула я. – Назиль,¹⁷ ты же понимаешь, нам жизненно необходимо вернуть Замбини, так что, пожалуйста, прилипни к Зиппу, словно пиявка. Если у него случится видение насчет того, где может появиться Замбини, сразу дуй ко мне, хорошо?

Он пообещал, что не подведет. Пробормотал что-то о необходимости отдать ковер на следующей неделе в мастерскую для небольшой штопки – и на этом мы распрощались.

– Он что, действительно принц? – спросил вернувшийся Тайгер.

– Второй по очереди претендент на престол герцогства Портлендского, – сказала я. – Что там с Мубином?

– Он велел подходить в любое удобное время. Обещал, что сильные впечатления обеспечит.

Это несколько настораживало. Мубин был чародеем рисковым. Он то и дело ставил на кон жизнь и здоровье, устраивая довольно опасные эксперименты, которые он предпочитал называть «прорывами на острие науки», ну а мы, грешные, – «снова Мубин вздумал все разнести».

Я вздохнула и сказала:

– Ну тогда пошли. Сегодня меня уже вряд ли что-нибудь удивит...

¹⁷ Несмотря на царственное происхождение, принц настоял на том, чтобы к нему обращались без титулов. Этим он сразу расположил нас к себе.

Волшебник Мубин

Мы шли к подъемникам.

– Надеюсь, – сказала я, – в этот раз он хотя бы взрыв не устроит.

– Или напустит на себя привлекательность для барсуков, – добавил Тайгер. Он имел в виду время, когда у Мубина пошло наперекосяк заклятие для изгнания барсуков, и Башни Замбини наводнили полчища мохнатых черно-белых влюбленных.

Так вот, если опустить инцидент с барсуками и периодические взрывы, Мубин был полностью вменяемым колдуном. Пожалуй, самым вменяемым среди нашего персонала. Все любили его. Мубину уже перевалило за сорок, но выглядел он куда моложе. По могуществу он превосходил леди Моугон, и единственное, чего ему не доставало, это самоконтроля. Временами у него случались приливы вдохновения (так было принято называть внезапные выплески магической энергии, происходившие, естественно, в самый неподходящий момент). Помнится, незадолго до Большой Магии он чуть не разнес всю гостиницу, успешно превратив свинец в золото. Потом решил придумать заклятие, обращающее вспять последствия лабораторного взрыва, – и превратил в ошметки еще одну лабораторию.

Подъемник доставил нас на третий этаж... Управлялся он проще простого – нужно было лишь произнести номер желаемого этажа и шагнуть в пустую лифтовую шахту. После чего оставалось только упасть на нужный этаж – без разницы, вниз падать или вверх, – и вовремя шагнуть наружу, пока обратно не унесло. Неумелые пользователи, бывало, подолгу мотались взад-вперед. В самом выдающемся случае это продолжалось три дня.

Мубин был у себя. Его жилище представляло собой три комнаты, соединенные вместе. Здесь он спал, здесь же и занимался исследованиями. Всюду стояла какая-то аппаратура, назначения которой я понять не могла. Все выглядело жутко сложным и носило следы спешной починки.

– Дженнифер! – обрадовался он, заметив меня. – Как прошла утренняя поисковая операция?

– Смотря с какой точки зрения посмотреть, – ответила я. – Кстати, ты уже слышал, что Изумительный Бликс примеривается к почету «Всесильного»?

Мубин рассмеялся.

– Наглость его однажды погубит, – сказал он. И добавил, потирая руки: – Ну хорошо, перейдем к делу. Напомни, каков Священный Грааль нашего ремесла?

Экспериментируя, Мубин приходил в совершенное неистовство. От этого его вечно всклокоченная шевелюра окончательно становилась дыбом, а обтрепанная одежда на глазах превращалась в лохмотья. Мубин как бы утрачивал человеческий облик, обретая сходство с неубранной постелью, снабженной руками и ногами.

– Шапку-невидимку изобретаешь?... – не веря собственным ушам, спросила я. Я знала, что даже Могучий Шандар подобного не достиг. И вообще, насколько нам было известно, заклинание невидимости не далось еще никому. Хотя иные и проводили целые жизни, пытаясь составить его.

– Мимо, – сказал Мубин. – Ну ладно, а что у нас сразу после Грааля?

– Передвижение соборов? – предположил Тайгер.

– Фи, – сказал Мубин. – Обычная левитация, не более.

– Полеты без самолетов, ковров и ковров-самолетов? – спросила я.

– Опять мимо. Что, по-вашему, у нас дальше в табели о рангах?

– Телепортация? – сказала я.

– В яблочко! – воскликнул Мубин. – Физическое перемещение из одной точки в другую практически без разрыва во времени. На сегодняшний день рекорд составляет восемьдесят пять миль...

– Великий Замбини, в молодости, – уточнила я, обращаясь к Тайгеру. – Более шестидесяти лет назад.

– Мой лучший результат, – с гордостью объявил Мубин, – составляет тридцать восемь футов. Так вот, я хочу попытаться улучшить его и довести... до семидесяти!

– Ясненько, – сказала я, гадая про себя, что могло пойти не так. Мне на ум тотчас пришло не менее восьми вероятностей. Начиная от уничтожения нескольких городских кварталов – и далее, по степени снижения разрушительности, до размягчения серных пробок в ушах непосредственных зрителей (стандартный побочный эффект телепортации; если уж на то пошло, надо сказать, что первоначальное заклинание, из которого развилась телепортация, было предназначено именно для прочистки ушей, а само перемещение в пространстве явилось полезным, хотя и неожиданным следствием). Волшебник, первым записавший заклинание телепортации в 1698 году, занимался бета-тестированием «Улучшенного и Особо Гигиеничного Метода Прочистки Ушей» и совершенно неожиданно для себя перенесся из дома на улицу. Немедленно начались развернутые исследования, точность перемещений сделалась почти идеальной... но «отоларингические» последствия так и остались. Перенесшись из точки «А» в точку «Б», вы обнаруживали некоторое улучшение слуха.

– И я не только телепортируюсь на семьдесят футов, – выдержав театральную паузу, продолжал Мубин, – но и преодолёю при этом лист трехмиллиметровой фанеры!

Мы с Тайгером переглянулись, ощущая, скажем так, смутные сомнения. Последняя на сегодняшний день попытка Мубина проникнуть сквозь твердые объекты окончилась сломанным носом и разбитой коленкой.

– Я уже работал с шелком, бумагой и картоном, – гордо доложил маг. – Пора двигаться дальше!

И, ободряя такими вот рассуждениями, он вывел нас в коридор.

– И опять выпрыгнешь из одежды? Или как? – спросила я. Научная биография Мубина успела украситьсь немного неловким эпизодом, когда сам он телепортировался, а одежда осталась.

– Ни в коем случае! – заверил Мубин (благо тот раз смущаться довелось не ему). – Тогда меня угораздило перед опытом наесться нуги, но теперь-то я знаю, как она действует!

Благодаря тому, что Башни Замбини строились как гостиница, длинных коридоров здесь было более чем в достатке. В том, куда непосредственно выходили его комнаты, Мубин успел установить на легких креплениях большой лист фанеры. Ярдах в двух перед ним он нарисовал мелом на полу крест. Вручил Тайгеру карманный шандарометр, чтобы измерить максимальный всплеск магического поля. Мне досталась измерительная рулетка.

– Крикнешь, когда будет семьдесят футов, хорошо?

И, обогнув фанерину, Мубин удалился в коридорную тьму. Я стала смотреть, как разматывалась рулетка.

– А телепортироваться мимо фанерки никак? – спросил Тайгер.

– Телепортация по изогнутой траектории считается невозможной, – ответила я. – Магия срабатывает только по прямой линии. Если хочешь телепортироваться за угол, придется проникать сквозь то, из чего этот угол сделан... Так вот, чтобы перенестись отсюда по прямой, скажем, в Сингапур, понадобится такая уйма магической энергии, что дешевле окажется путешествовать на ковре. В общем, трансконтинентальная телепортация – это пока из области ненаучной фантастики... – Я ненадолго задумалась и добавила: – Во Франции жил-был когда-то один колдун, экспериментировавший с перемещениями сквозь воздушную

среду. Стартовав из Парижа, по завершении переноса он оказался над Тулузой. На высоте двух с половиной тысяч футов.

– Во удивился, наверное...

– Да нет, именно так он и планировал. Другое дело, что парашют у него почему-то не раскрылся, и колдун с воплями полетел вниз, навстречу весьма недостойной кончине. А потом магическое поле в целом стало слабеть, и его попытку так никто и не повторил.

Тайгер спросил:

– Его расстояние было больше рекорда Великого Замбини?

– Если ты не выжил, достижение не считается официальным.

– Для мягкой посадки хорош стог сена. Очень рекомендую, – глубокомысленно ответил Тайгер. – Маги легких путей не ищут, так ведь?

Тайгер успел прослужить в «Казаме» всего-то два месяца и еще не привык к мысли о некоторых практических ограничениях магии. Что поделаешь, большинство гражданских склонно считать, что маг просто взмахивает волшебной палочкой, произносит «Бду-бду-бду!» – и дело в шляпе. Так вот, на самом деле все гораздо сложнее. Колдовство – это не «что хочу, то и ворочу», это скорее исследование наличных возможностей. Плюс изобретение хитроумных путей в обход известных физических пределов твоего ремесла.

Рулетка между тем продолжала разматываться. Когда оговоренная дистанция была достигнута, я окликнула Мубина.

– Ну что ж, стало быть, отсюда и прыгнем, – долетел с того конца коридора уверенный голос мага. – Итак, семьдесят футов – и трехмиллиметровый фанерный лист нам не помеха!

Я кивнула Тайгеру. Тот уже снял крышечку с одной из множества тревожных кнопок, установленных по всему зданию и снабженных надписью «Магиклизм». Если свеженькое заклинание Мубина сработает недолжным образом, Тайгер нажмет красную кнопку, заработают водные распылители – и магия будет нейтрализована.

Утро среды традиционно предназначалось для магических опытов. Поэтому обитатели Башен загодя припасали резиновые сапоги и облачались в дождевики. Просто от греха подальше.

Мы молча ждали, что будет... Магия – довольно странная сила. Стоящих результатов чаще добиваются одержимые исследователи, свихнувшиеся на своем деле вплоть до несколько антиобщественного поведения. Магия хлещет из указательных пальцев только у тех, кто сфокусировал на этом деле буквально каждый нейрон своего мозга, отринув все менее значительные дела. Именно поэтому в присутствии волшебства сторонним зрителям полагалось вести себя тихо-тихо. Если нарушить сосредоточение, волшебнику придется начинать все сначала. Это все равно, что перебивать при чтении стихов. Так просто не поступают.

Из-за фанерки донеслось неразборчивое бормотание. Потом некоторое время ничего не происходило. После паузы снова послышалось бормотание. И опять – ничего. Когда цикл «бормотание – тишина» пошел по третьему разу, с той стороны долетел легкий хлопок. Это воздух резко заполнил пустоту, образовавшуюся на месте исчезнувшего чародея. Спустя полсекунды Мубин возник перед нами. Его появление сопровождала несильная ударная волна – ее произвел вытесненный воздух.

– Свершилось! – произнес Мубин, глядя вниз. Он стоял точно в центре белого перекрестья. – Семьдесят футов! Притом сквозь трехмиллиметровый фанерный лист! Завтра попробую шестимиллиметровую фанеру, потом перейду к древесно-стружечной плите...

– Здорово, – сказала я. – Нынче же вечером занесу в нашу книгу рекордов.

– Да уж, на данный момент это мое высшее достижение, – взволнованно продолжал Мубин. – И оно делает меня лучшим телепортистом на планете... если только это отребье в «i-Магии» также не занимается перемещением. Ребята, а что вы на меня так уставились?

– Ты... вроде чем-то липким покрыт, – сказала я и протянула руку, чтобы коснуться его. – Словно пончик в глазури.

И в этот момент фанерный лист плавно и медленно развалился на три тонких листа шпона, которые тихо съехали на пол.

– Батюшки, – сказал Мубин. – Получается, я из фанеры весь клей на себе вынес! Ума не приложу, как такое могло случиться?

Мы на это ответить ему не могли, но он на нашу помощь и не рассчитывал, просто ставил вопрос. Что поделаешь, именно так и продвигается наука. Ты все время одерживаешь кажущиеся победы – и тут же напарываешься на непредвиденные осложнения. Сотворишь пламя – и потом не можешь избавиться от икоты. Попытаешься выдавить из тучи молнию с громом – а у всех зрителей почему-то вываливаются из зубов пломбы...

– А ведь Преходящий Лось телепортирует практически не задумываясь, – с некоторым раздражением пробормотал Мубин. – И за угол заворачивает как не фиг делать...

– Так он сам – заклинание, – пришел ему на выручку Тайгер. – Масса у него скорее всего нулевая, все легче.

– Не исключено, – хмуро отозвался Мубин. – Вот бы как-нибудь при случае попристальнее его изучить...

Преходящий Лось с некоторых пор стал форменным властителем его дум. Несколько раз Мубин даже обстреливал его пробными заклинаниями, пытаясь выяснить, какое именно волшебство приводило его в действие. Пробы дали не так уж много информации. Только то, что автор Лося был предположительно греком. И предположительно использовал Протокол Эмуляции Разумности, приписываемый Мандрейк.¹⁸ Не слишком ценные сведения, ведь и без того известно, что все явления, имитирующие жизнь, на том стоят.

¹⁸ Протокол Эмуляции Разумности Мандрейк – хитроумное заклинание, придающее видимость жизни чему-либо, что в действительности живым не является. Его используют при создании упырей, привидений и длинноногих манекенщиц. Если заклинание выплетено на совесть, жизнеподобие получается весьма убедительным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.